

<http://mbiomorph67.ru/N-85-html/cont.htm>
<http://mbiomorph67.ru/N-85-html/TITL-85.htm>
<http://mbiomorph67.ru/>

<http://sgma.alpha-design.ru/MMORPH/N-85-html/cont.htm>
<http://sgma.alpha-design.ru/MMORPH/N-85-html/TITL-85.htm>
<http://sgma.alpha-design.ru/MMORPH/TITL.HTM>

**Международная научно-практическая конференция,
посвященная 80-летию Великой Победы и увековечению Памяти 7303
воинов-красноармейцев, расстрелянных и замученных в душегубках,
умерших от ран, болезней и тяжелейших условий содержания в
лазаретах немецких лагерей военнопленных ДУЛАГ 240 и ДУЛАГ 126 в
1941-1943 годах, располагавшихся на территории Медгородка и
Областной больницы г. Смоленска и захороненных в Братской Могиле
№ 16-19 по проезду Маршала Конева**

Материалы конференции

УДК 656.11

СОПРОТИВЛЕНИЕ И ПОДПОЛЬЕ В ЛАЗАРЕТЕ ДУЛАГА 126, ПОБЕГ, СМЕРЬ И ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА ВОЙНЫ

Из воспоминаний Мстислава Владимировича Яковенко

Материал подготовлен врачом-исследователем Шведом А. А.

...У меня непрерывно сверлило мозг одно желание – бежать. Но как это осуществить?

Стояли лютые холода зимы 41-42 года, в лагерь неоднократно привозили замерзших на наружных работах военнопленных. Я остро чувствовал холод, сказывались дистрофические явления. Иногда даже, после пребывания на морозе в течение 15-20 минут, я промерзал так, что мне казалось дальнейшее пребывание на дворе просто невыносимым. Быть может, если бы на мне был теплый овчинный кожаный, то было бы легче, но шинель плохо помогала мне.

Связь с партизанами установить не удавалось, поведение даже близких окружающих было таково, что я им не доверял.

Когда я приехал, вернее, пришел в лазарет, то так промерз, что я с трудом занес к русскому начальнику лазарета, врачу Сергееву, книги, ранее отобранные мною. Этот врач вместе с несколькими другими жил в 1-ом

хирургическом корпусе. Корпус этот при полном наполнении вмещал не более 250-300 человек и был показным для демонстрации его высшему начальству и представителям других стран. Далее, в глубине двора, стоял второй корпус, вмещавший иногда 5 000 человек. В ряде палат там не только не было коек, как в первом корпусе, но больные не имели места для лежания и, по существу, сидели. Это положение было для подвальных помещений, куда помещались все вновь прибывшие пленные красноармейцы. Сюда редко заглядывали врачи, и царями были санитары этих палат. По мере подъема вверх положение несколько улучшалось, и на 4-ом этаже, в хирургическом отделении, была даже одна палата на 12 коек для послеоперационных больных.

Инфекционное отделение было изолировано от других. Я сдал туда больного сыпным тифом Левыкина (для медицинского и офицерского состава было три палаты с койками) и узнал, что дела врача Шлейна плохи. Затем мы с Новохацким явились к замначальника 2-го корпуса, бывшему дивврачу Суржанинову, который нас направил к врачу Попову для дальнейшего устройства. Попов с увлечением рассказывал об успехах русских, особенно о смелых рейдах в германском тылу кавалерийской группы генерала Белова. Мне было очень приятно слышать такие рассказы, быть может, даже со значительными преувеличениями, они хорошо поднимали дух, и после них откровеннее становились русские.

Наконец нас отвели в инфекционное отделение, где начальник его, бывший кадровый врач, татарин Фарахшин, поместил нас в своей комнате, где было очень тесно и, кроме нас, жили врачи Миньков, Ширяев, Штоклянд и Ступин (кроме них в инфекционном отделении были врачи Позигун, Петров и ...). В комнате стояла железная печка с таким же дымоходом, выведенным в окно. Топили ее вечером сырыми дровами, отпускаемыми в очень небольшом количестве. Около часа чувствовалось некоторое тепло, после чего комната быстро охлаждалась. Мне и Новохацкому было здорово холодно, так как мы не имели достаточно имущества для утепления. Другие же, старожилы, чувствовали себя более комфортабельно, например, Ступин имел огромное количество теплой одежды, а на кровати два толстых волосяных матраса, одним из которых он укрывался. Дать нам, новоприбывшим, из своего большого запаса он не решался, так как сильно любил приобретать вещи.

Мне дали две палаты в 60 человек больных сыпным тифом. Моим помощником был назначен Новохацкий, фельдшер с большим опытом.

Больные лежали на полу, в палате было все же теплее, чем в нашей спальне – больные нагревали помещение собственным теплом. Здесь, так же, как и во всех других помещениях, были железные печи с выводом дыма в окна. Если ветер хоть немного дул со стороны окон, то тяга опрокидывалась, и весь дым шел в комнату. В такие дни, а их было около половины, палата не отапливалась.

Несмотря на общее истощение, плохие условия содержания, отсутствие медикаментов и скудное питание, больные переносили сыпняк легко. Более

тяжело, с более частыми смертельными исходами, переносили его люди более упитанные. У меня в это время тоже был сыпной тиф, но я об этом никому не говорил и переносил его на ногах, за работой. Тяжело было только ночью, так как сон был плохой, было очень холодно, и при этом я так потел, что несколько раз утром буквально сливал пот из подстеленной на кровати плащ-палатки – такого количества пота я еще ни у кого не наблюдал.

Днем я согревался или в палатах больных, или в маленькой дежурной с полом из метлахской плитки, под которым была расположена дезкамера. При топке дезкамеры пол нагревался.

Питали нас очень плохо, хуже, чем в лагере, больше водой, в которой было малое количество картошки. Единственно, что поддерживало – это 600 грамм хорошего ржаного хлеба (русская пекарня), который мне казался прямо пряником. К сожалению, его было мало.

Проверять, все ли до нас доходит, не представлялось возможным, так как доступ в кухню и в другие места корпуса был для нас запрещен (карантин). Под инфекционным отделением (изолятором) была дезкамера и баня. Эта комбинация не носила характера пропускника. Водопроводная подводка была сделана мелко, труба была с четверть дециметра, и все это замерзало. Для мытья воду приносили ведрами, нагрев ее был примитивный – в котле. Дезкамера давала очень медленный и недостаточный нагрев, ужасно дымили топки. Санитарный врач Бобров (москвич), устроивший этот «пропускник», лежал, умирающий от сыпного тифа. Командовал здесь санинструктор, татарин Исаев, и почти весь обслуживающий персонал, так же, как и в инфекционном отделении, состоял из татар. Подобрал их Фарахшин. Они изрядно спекулировали на одежде больных и умерших и на разных вещах, вплоть до часов. С ними в контакте были могильщики, также набранные из татар.

Ознакомившись с врачами инфекционного отделения, я увидел, что говорить откровенно можно только с одним врачом – Петровым (маленьким). А врач Ширяев вел явную прогитлеровскую агитацию. Остальные были инертны и боялись выявить свое лицо. Петров же откровенно высказывал свою антипатию к немцам и, встретив во мне сочувствие, сказал, что мечтает уйти в партизаны.

Вместо Боброва, после его смерти, была назначена санитарным врачом Пухнаревич, бывшая когда-то врачом в моем медсанбате, а затем при школе в дивизии. Серпантинков был ею очень недоволен. Для нее все эти санитарные дела были очень необычными, так как она была врачом-пищевиком. Немцы на нее смотрели косо и, в конце концов, ее отправили в большой лагерь.

Суржанинов вызвал меня и предложил мне принять на себя обязанность санитарного врача, на что я охотно согласился, так как это давало мне возможность бывать всюду и улучшало мое материальное положение. Итак, я перебрался в комнату Исаева, находящуюся вне изолятора. Здесь было очень тепло, так как в распоряжении Исаева были дрова для бани. Кроме того, Исаев был в хороших отношениях с кладовщиком и кухнями и потому приносил

картофель и изредка муку. В общей столовой медперсонал кормили лучше, чем медперсонал изолятора – на это я сразу обратил внимание и заставил при себе отпускать обед в изолятор, после чего мне была передана благодарность от врачей изолятора.

На моей обязанности были: 1) присмотр за пищеблоками, 2) санитарное содержание помещений и двора, 3) установка карантинных и пропуск через дезкамеру в баню. Все это было крайне запущено. В помещении грязь, на дворе три горы замерзших нечистот вперемежку с ампутированными ногами и руками. Около дезкамеры убийственный дым и рассадник вшей. В кухнях сплошное злоупотребление – паек далеко не полностью доводился до больных. Работы было очень много, и я ею занялся. Побег приходилось откладывать до более благоприятного времени.

С Исаевым в одной комнате жил врач Липкин, выдававший себя за татарина и ни одного слова не знавший по-татарски, и врач-бактериолог Власов, маленький, раздражительный, задиристый и очень неприятный субъект, выздоровевший от сыпного тифа. Ему помогал санитар Сергей – до войны он был директором стадиона Буревестник и станции моторных судов на канале Волга-Москва, а также мастером лыжного спорта.

Полностью он назывался Сергеем Борисовичем Трифоновым. Так вот, Власов, пользуясь его бесправным положением в лазарете, всячески измывался над ним и кричал на него. Пробовал Власов ссориться и со мной, но это ему мало удавалось. С Исаевым он не ссорился, так как Исаев часто приносил пищу вне обычного пайка и хорошо отапливал комнату – ссориться с ним было невыгодно.

С моим приездом к Исаеву Липкин переселился в другую комнату, и осталось нас трое. Власов с каждым днем становился нестерпимее, и вот в тайне от него мы с Исаевым заняли только что освободившуюся маленькую комнатку, в которой можно было поставить только две койки, и переселились в нее. Власов пытался было сунуться к нам, но места для него не было.

Еще в инфекционном отделении я познакомился с бывшим санинструктором Латуном Борисом Афанасьевичем, харьковчанином. Это был высокий, сухоощавый украинец, красивый мужчина с черными усами. До войны он работал механиком во флоте и на заводах, а сейчас был на все руки мастер и к тому же хороший советский патриот. Мы с ним близко сошлись и начали работать вместе по санитарной технике. Начали мы с того, что переделали систему нагрева в дезкамере, что дало несколько лучший эффект и улучшило тягу.

У лазарета существовало несколько человек, имевших некоторое доверие у немцев, дававших им документы на свободный проезд в некоторых пределах оккупированной территории. Они также имели полномочия от лазарета, и на их обязанности лежал сбор продуктов для лазарета у крестьян. В первую очередь эти довольно бесконтрольные люди снабжали себя, привозя своим городским и деревенским любовницам целые возы с отборными

продуктами. Затем они привозили хорошие продукты немцам, командующим в лазарете, и лазаретной верхушке – русскому начальнику, переводчикам и т.д. В склады же лазарета для больных они привозили некоторое количество ржи, которая и варилась без какой-нибудь переработки. В таком же виде эта рожь не усваивалась и сквозняком проходила через кишечник.

Латун по моему настоянию смастерил крупорушку, начали получать ржаную крупу, из которой получалась очень сытная каша, вполне усваиваемая. Особенно по вкусу эта каша, которую можно было выдавать сверх положенной пайковой нормы, пришлось выздоравливающим после сыпного тифа, а таких было немало и среди медперсонала.

Я ежедневно навещал инфекционное отделение. Врачи Бобров и Левыкин умерли.

Привезли врача Молчанова Владимира Ивановича, бывшего ранее начальником лаборатории моего медсанбата. Он, будучи худым, истощенным человеком, перенес сыпной тиф довольно хорошо. В ту же палату попал и врач Устименко, который вместо меня попал врачом на аэродром. Он также легко перенес тиф и стремился возвратиться на аэродром, чего ни в коем случае нельзя было сказать о военнопленных, обслуживающих аэродром. С этими белыми рабами немцы обращались зверски и нещадно их били, настолько били, что даже высшее немецкое командование, боясь потерять часть рабочей силы, издало приказ о введении более человеческого обращения с военнопленными на аэродромах, но не знаю, насколько этот приказ помог.

В этой палате и в других было еще много врачей, незнакомых мне, но раз я увидел знакомое лицо – моего бывшего командира медсанбата, врача Слободчикова Александра Ивановича. Он был уже без сознания и так, не приходя в себя, скончался. В карманах у него нашли много сердечных средств, очевидно, сердце было у него слабое.

Пересматривая списки поступивших в инфекционное отделение, я как-то увидел фамилию Кандиано и нашел его. Он оказался Виктором Михайловичем, сыном одного из спутников моего детства, Михаила Владимировича Кандиано. Я старался ему помочь в питании, чем только мог, но, к сожалению, мои ресурсы были очень слабы, а у него был огромный аппетит после тифа. Он был летчиком и попал в плен, когда его машину сбили немцы.

Лежал в сыпном тифу один из переводчиков лазарета по имени Чак. Он считался вторым переводчиком, первым был Герман, из поволжских немцев. Переводчики играли особую роль. Это были совершенно доверенные люди у немцев, работавшие в тесном контакте с представителями гестапо и выполнявшие ряд заданий по поручению последних. Эти переводчики вели себя в отсутствие немецких начальников, как полномочные хозяева лазарета. Пользуясь своим положением, они непрерывно шили для себя в мастерских лазарета костюмы из всевозможных, иногда очень хороших трофейных материалов. Вообще, мастерские шили вещи и сапоги только по их запискам.

Для них заготовители привозили самые вкусные вещи, и они были всегда под хмелем. Угрожая пленным девушкам, они принуждали их отдаваться. Эти люди были хуже немцев. Чак особенно свирепствовал в отношении евреев. И эта скотина все же не погибла от сыпного тифа, несмотря на свою упитанность, он поправлялся. Сам он по фигуре и по лицу был несколько похож на еврея.

Начались более теплые дни. Начальник второго корпуса, врач Дурнов, передал в мое распоряжение свободных санитаров и рабочие команды для выноса трех гор отбросов в ямы за пределы проволоки, ограждавшей лазарет. Но эти люди не очень слушались меня, и тогда Дурнов пришел на помощь, заставляя их работать обещаниями и угрозами.

Первый корпус имел канализацию с выводами в овраг метрах в трехстах. Смотровые колодцы были расположены у 2-го корпуса, и по моему указанию Латун оборудовал слив баков с нечистотами через решетку в один из колодцев. К этому месту впоследствии была подведена вода, и сам слив был утеплен для зимнего времени. Таким образом, корпуса лазарета очистились от окружающей их мерзости, и были созданы вполне гигиенические условия в смысле их окружения. Уборные были перестроены, расширены, и специальные ассенизаторы следили за их чистотой, периодически выливая их содержимое в оборудованный канализационный колодец. Оставалось еще только одно неупорядоченное место – это кладбище, где было похоронено около 15–20 тысяч человек. Хоронили их в братских могилах, кое-как, засыпая комьями мерзлой земли, хоронили мелко. С таянием могилы начали проваливаться, пошел нехороший дух. Сюда тоже были мобилизованы люди из рабочих команд, и кладбище было приведено в порядок.

Ведал кладбищем Воронин, сам москвич, он указал мне возможность бежать через кладбище, за которым был не особенно серьезный присмотр со стороны немцев. Я продолжал встречаться с Петровым-маленьким. Он мне сообщил, что установил связь со смоленской подпольной организацией и думает вскоре бежать к партизанам. На это я ему сказал, что не товарищески уходить одному, что можно вывести к партизанам хотя бы человек 40 из пленных летчиков и других советских патриотов и, конечно, в первую очередь надо взять меня и Латуна.

В эти планы был посвящен и другой Петров, Александр Прохорович, тот советский патриот, с которым я познакомился при моем первом посещении лазарета. Рассказали об этих перспективах и Кривоносову, его сожителю по комнате. Почему-то эти товарищи не очень охотно шли на предложение перейти к партизанам, им хотелось как можно скорее к своим, на Большую Землю, в регулярную армию. На партизан смотрели только как на промежуточный этап, надеясь с их помощью перейти через линию фронта.

Было очень много разговоров на эту тему и остановились на следующем: Петров-маленький передает Кривоносову пароль и место контакта с представителями смоленской подпольной организации, а сам, в сопровождении одного интенданта, который у него сейчас работает под видом

санитара, уходит к партизанам. Добравшись до партизан, он устанавливает связь с нами, и мы уходим с присланным проводником, забирая с собой целую группу советских патриотов. Таким образом, нашему бегству будут способствовать или смоленская подпольная организация, или партизаны.

У одного из врачей пропали часы, и каким-то образом подозрение в их краже упало на маленького Петрова, которого по этому поводу вызвали к русскому начальнику лазарета. Петров не сознался в краже этих часов, и после беседы с начальником лазарета пришел к нам и сказал, что теперь ему очень удобно бежать – соучастников его бегства (пособников-единомышленников) искать не будут и решат, что поводом к бегству послужила боязнь наказания за кражу часов. С ним собралась уходить и Рябова, молоденькая дружинница из моего медсанбата, с которой сошелся Петров.

План бегства был таков: сегодня же около 4-х часов дня, когда рабочие команды будут отдыхать после обеда, я занимаю разговором постового полицейского, следящего за выходом из лазарета на территорию кладбища. Петров-маленький и его спутница берут лопату, ведро, как будто для того, чтобы на кладбище выкопать ранние цветущие травы для посадки на клумбы, что очень одобрялось начальством. Если этот номер не пройдет, то выпустить эту компанию через туннель из пропускника к разрушенной котельной, для чего нужно будет разобрать в нем кирпичную стену. Это не хотелось делать, так как через этот туннель предполагалось выпустить основную большую группу после установления крепкой связи со смоленской организацией или с партизанами.

Половина четвертого, я вышел во двор как будто бы для прогулки. Стояла солнечная весенняя теплая погода с несколько свежеватым ветерком, защищаясь от которого полицейский-украинец стал в открытых широких дверях небольшого гаража, в котором стояла полусобранная машина, предназначенная для обер-шеф-арцта Закса, который обещал слесарям, собиравшим ее, отпустить их на свободное проживание вне лазарета, в случае, если машина будет хорошо собрана (это обещание он не выполнил). Полицейский имел кое-какие технические знания в области автодела, и я ему начал рассказывать об опытах видоизменения состава горючего, о подбавке к парам бензина водорода и о возможности полного перехода на водород со всеми преимуществами, какие эта замена горючего даст. Это очень заинтересовало полицейского, и тут же я начал рассказывать о борьбе с выхлопными газами в гаражах, об устройстве выводной трубы на некоторых машинах так, что выхлоп получался выше крыши кабинки. При этом я все это показывал на полусобранной машине. Когда я кончил рассказ, то Петрова-маленького, Рябовой и интенданта в лазарете уже не было, они быстро маршировали с орудиями производства – лопатой и ведром – по уединенной тропинке, ведущей к лесу, расположенному километрах в 6-7 от лазарета.

Их хватились только поздно вечером, и на следующий день любопытный полицейский как-то особенно пытливо смотрел на меня. Если у

него и мелькнула в уме какая-либо догадка, то я полагаю, он держал ее про себя, так как сознайся он в своей оплошности, то ему бы и всыпали за недостаток бдительности. Поэтому молчание являлось золотом, тем более что никто не знал, как ушли беглецы.

Через несколько дней наша группа получила сведения о судьбе беглецов – они добрались до одного фельдшерского пункта в деревне, расположенной в 9-10 километрах от лазарета. На пункте были свои ребята, ранее работавшие в лазарете. Там они переночевали и ушли по дороге на Рославль, с которой должны были километрах в 18 от Смоленска свернуть на восток и добраться до деревни Боровой, где жила одна женщина, как будто имеющая отношение к партизанам. Дальнейшую судьбу Петрова я узнал только через несколько месяцев, о чем я расскажу в своем месте.

В начале весны в лазарет с востока прибыло несколько врачей: Юзбашев (я полагаю, что его фамилия была другая), Мерейнис – бывший хирург-консультант 32-ой армии (ополченческой) и Кланг Глафира Антоновна. Последнее время она жила где-то в деревне, недалеко от Вязьмы, и хорошо питалась. Кланг рассказала, что вместе с ней была молодой врач Дидык и другие, что они уходили со штабом нашей дивизии и школой курсантов на юго-восток от Вязьмы, через станцию Семлево, за которой немцы преградили им путь. Дидык и другие начали перебегать под ружейным и пулеметным обстрелом, Кланг же, ввиду ее пожилого возраста, не решилась перебегать и вернулась несколько назад в то село, в котором летом (в августе и начале сентября) был медицинский пункт полка, где она работала. Крестьяне предлагали ей остаться жить с ними в качестве врача, но она испугалась артиллерийского обстрела и попала по своему желанию в группу врачей, работавших более глубоко в немецком тылу.

Вторая группа врачей, прибывшая к нам несколько позже, состояла из врача Волкова с женой и молодого врача Шугаева. Они попали в плен после окружения и разгрома нашей 33-ей армии. Эта армия в январе 1942 года под командованием генерала Ефремова незаметно для немцев, без дороги, через леса и снега, прошла в их тыл, заняла Холм- Жирковский и освободила там всех военнопленных, в том числе и зубного врача Батрака из нашего медсанбата, и затем перерезала дорогу из Вязьмы на запад. Здесь она была окружена немцами, и Ефремов пустил себе пулю в лоб.

Юзбашев вел себя несколько демонстративно в отношении евреев и при всяком удобном случае называл их «проклятыми жидами». Я полагаю, что это был случай самомаскировки. У Мерейниса, не скрывавшего своего происхождения, он забрал шахматы и при разговоре с ним вел себя вызывающе.

Волков быстро акклиматизировался и на политические темы избегал говорить.

Шугаев был хорошим парнем, и мы сразу приняли его в свою компанию.

Немцы развели большую агитацию среди санитаров и рабочих команд в отношении их вербовки в антирусскую армию генерала-ренегата Власова. Пущены были в ход все средства, вплоть до обещания дать «сытный и вкусный паек» немецкого солдата. И затем, по существу, не спрашивая их, начали повторять с ними обучение строю, каждый день не менее двух часов с утра проходило в маршировке.

Конечно, кто был настойчивее и имел свои сложившиеся взгляды, тот в конечном результате не попал в этот набор, несмотря на свое обучение строю. Но большинство было все же направлено к Власову. В числе 100 % добровольцев был врач Петров (третий – молодой, высокий, хорошо сложенный), врач Явеин и через несколько месяцев врач Денисов. В числе добровольцев было два хороших парня – русских, работавших в санпропускнике. Меня это очень поразило, так как я знал, что они – комсомольцы. Я перестал с ними разговаривать. Тогда один их товарищ наедине сообщил мне, что они идут со специальным заданием от Смоленской комсомольской организации. В конечном результате эта группа наиболее здоровых санитаров была отправлена в основной лагерь, а на их место взяли других санитаров из выздоровевших. В должности санитаров они довольно быстро поправлялись, у них было много статей дохода за счет больных.

Ушла вторая партия беглецов – два фельдшера и один санитар (фамилия одного фельдшера была Кузьменко). Через некоторое время они были пойманы при участии местного населения километрах в 20-ти от фронта. После них уходили еще маленькие партии, но все они попадали в конечном результате в руки немцев. Немцы пойманных обычно не расстреливали, но заключали недели на две в подземные бункера на 100-200 грамм хлеба и на воду. Молодые выдерживали, но для пожилых людей или уже достаточно истощенных это кончалось смертью.

Наступили хорошие теплые солнечные дни, подсыхали весенние лужи, и мысль о побеге не выходила из головы. Но побег надо было осуществить с толком, полностью используя подземный ход из пропускника, т.е. выведя максимальное количество людей и, кроме того, надо было вывести так, чтобы они в дальнейшем не попали опять в руки немцев, то есть установить связь со смоленской организацией или с партизанами – нужны были проводники. Кривоносов потерял, т.е. проморгал, связь, оставленную ему бежавшим Петровым, Петров же не подавал никаких признаков жизни. Однажды, часов в 10 утра около I-го хирургического корпуса остановилась крупная автомашина, вся окрашенная в серо-стальной цвет. Она представляла из себя плотную камеру без окон и каких-либо вентиляционных приспособлений с плотной дверью сзади.

Немцы отдали приказ вывести всех заранее отмеченных евреев, в том числе и врача Мерейниса. Когда эти люди спрашивали, брать ли им с собой свое имущество – узелки с переменной белья, кружкой, котелком и т.д., то

немцы с усмешкой отвечали, что можно и брать. Их всех усадили в эту камеру, плотно заперли за ними дверь, и машина укатила.

Сведений мы о них больше не имели, за исключением того, что один из переводчиков принес через несколько дней нарукавную повязку врача Мерейниса, на которой было вышито «Arzt» и передал в кладовую для какого-нибудь из новоприбывших врачей. Свой печальный конец Мерейнис знал заранее и просил меня сообщить, если у меня будет возможность, его родным о своей смерти, для чего дал их адрес. Когда я говорил, что надо быть активнее и бежать, все равно терять нечего, то он мне ответил, что он не способен к активным действиям такого рода – ходить он много не может. А между прочим, ему было 47 лет, и по виду он казался здоровым человеком.

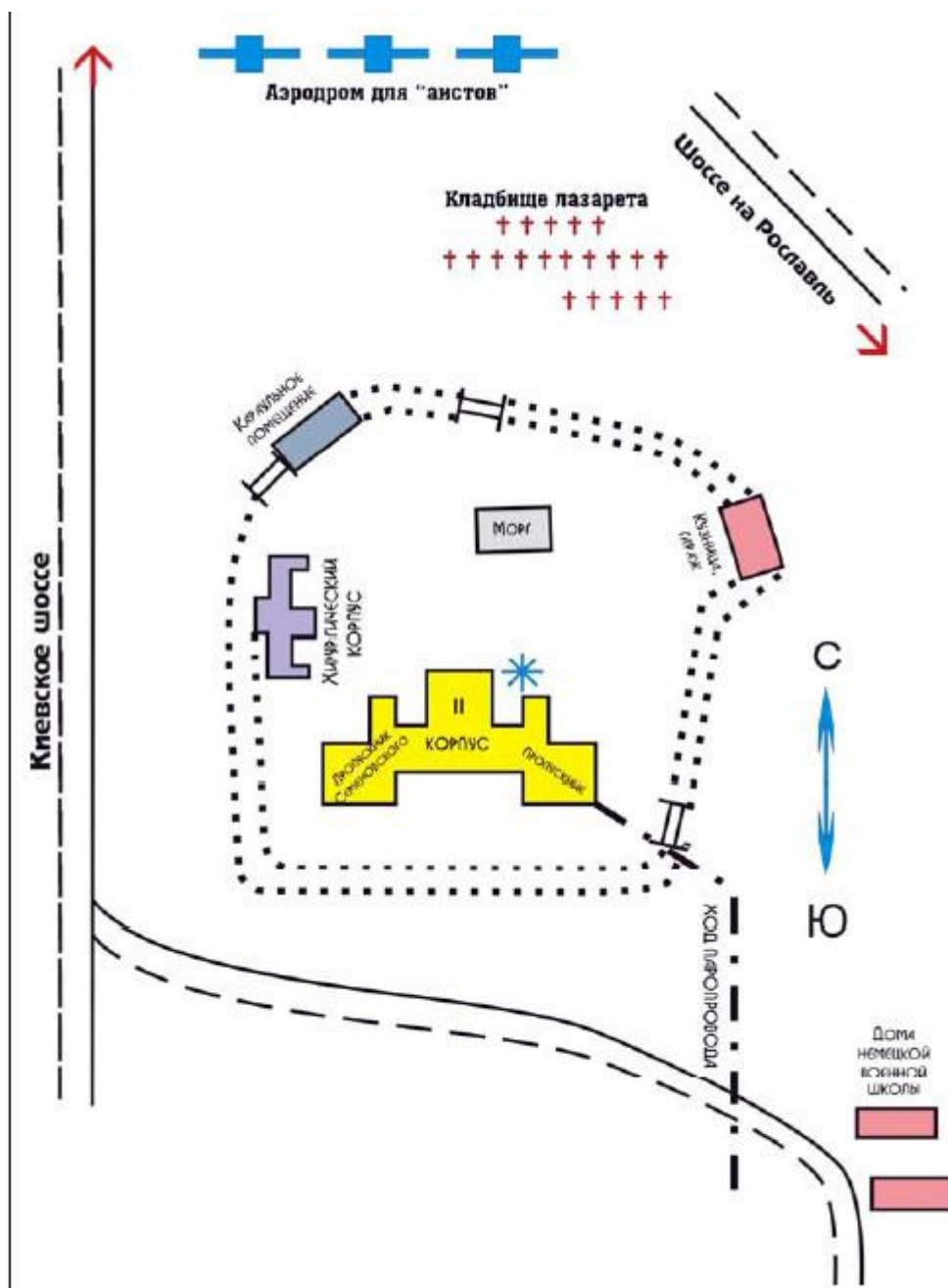
Начальство госпиталя стало косо смотреть на врача Дурнева, начальника II-го корпуса. Говорили, что он даже не врач, а «мелиоратор», т.е. специалист по борьбе с малярией. Он жил с заведующей аптекой и жил неплохо в материальном положении, за счет своего положения и тех возможностей, которые это положение давало. У него было прекрасное питание, и он отлично одевался.

В конечном результате его отправили в основной лагерь на Краснинском шоссе, а на его место назначили молодого врача Денисова, помощником которого остался Суржанинов. Суржанинова не назначили начальником, потому что гестаповцы его подозревали в «неарийском» происхождении.

Денисов настоял на том, чтобы я переселился с 1-го этажа от Исаева на 3-ий этаж, где жил весь медперсонал корпуса. Я перебрался к Петрову третьим, с ним жил еще молодой врач Востриков Георгий Яковлевич. Кривоносова, который с ним жил раньше, отправили в большой лагерь за его романы, которые не нравились начальству.

Из моей новой квартиры на 3-ем этаже открывался более широкий вид на окрестности. Площадь, занимаемая лазаретом, лежала между двух шоссе-ных дорог, выходящих из города на Киев и на Рославль. Киевское шоссе шло непосредственно за проволокой, окружавшей лазарет. По ту сторону шоссе шли крестьянские дворы, со стороны же лазарета, дальше от города, шли огороды и пашни по склону в долину.

Несколько дальше от шоссе, как раз в том месте, где виднелась недостроенная котельная с большой трубой, к которой вел отопительный ход из пропускника лазарета, стояло два больших двухэтажных дома, служивших в основном как казарменные помещения для немецких кратковременных школ обучения младшего комсостава. Схема расположения лазарета была такова (см. рис.)

Когда я был в декабре 1941 года вызван в большой лагерь, то я впервые услышал далекий шум моторов русского бомбардировщика и стрельбу из зенитных орудий по нему. Это было редкое явление, но было очень приятно наблюдать суматоху среди немцев и убедиться, что наша авиация еще жива, несмотря на рассказы немцев и их русских прихвостней о том, что русская армия совершенно и безнадежно разбита и не имеет больше сил для борьбы с Гитлером.

Весной 1942 года авиационные налеты стали учащаться, и здание нашего лазарета служило, по-видимому, маяком для налетающих бомбардировщиков – они всегда летели с юга через корпуса лазарета. Это

побудило немцев в конце 42 года произвести маскировочную окраску обоих корпусов.

Налеты нашей авиации особенно участились и стали наиболее эффективными весной 43 года. Эти налеты действовали на обитателей лазарета по-разному. Например, мой сожитель Исаев начинал трястись и прилипал к окну, несмотря на мое предупреждение, что осколками стекла может выбить глаза. Затем он иногда зарывался головой в подушку, но все же из комнаты не уходил. Суржанинов и некоторые из врачей, а также значительный процент женщин уходили в подвал. Немцы скрывались в свои бомбоубежища. Наша же компания полностью выбиралась на балкон 3-го этажа и с большим интересом наблюдала за всеми моментами ночного воздушного боя, и мы точно знали, куда попали бомбы, так как с балкона было хорошо видно. Недостающие сведения и детали мы узнавали утром от людей, прибывающих к нам по разным делам из города.

Мы радовались каждому удачному попаданию и знали, что русскому командованию известно, что здесь расположен лазарет для военнопленных и поэтому они нас не бомбят, и это действительно было так, об этом нам говорили наши летчики, попавшие в плен со сбитых самолетов – ведь они при этом получали ранения и поэтому попадали в наш лазарет на излечение.

Только один раз весной 1943 года один какой-то шалый парень свалил три бомбы на наш корпус, причем две дали недолет, а третья разорвалась на том месте, которое на моем эскизе отмечено звездочкой. При этом выбило ближайшие окна и стеклом выбило около 20 глаз больных военнопленных, частично подняло крышу со стропилами и вынесло ряд дверей в близлежащем коридоре. У меня с печки попадали на пол пузырьки. Немцы потом снимали бомбовую воронку для какой-то агитки.

Немцы имели своих агентов среди нас, обычно мы их знали. Они собирали сведения о каждом и в соответствии с ними освобождали из-за проволоки ряд людей. Когда захотели также уйти мы с Петровым (он, как единственный знающий рентгенолог – в рентгеновский кабинет города, я, как санврач – тоже специальность в то время редкая, – и хлопотал за нас городской врач Каменев), то нас не отпустили.

Немцы особенно охотно отпускали людей, живущих с женами, в особенности, если еще ожидалось потомство. В большинстве случаев эти жены (да, пожалуй, и всегда) были женами военного времени, вместе отбывающие плен. Из врачей отпустили Фарахшина, Попова (женился на заведующей прачечной и ожидал потомства), Камынина, Чиждова, Филененкова, Гилеева (в 19 армии он был Гиллерштейном, женился в плену и ожидал потомства), Юзбашева (так же, как и Гиллерштейн фамилию придумал уже будучи в плену, женился и ожидал потомства), Власова, Шепеткова (за «бдительность» – при перевозке русского офицера: обнаружил [у офицера] автоматический пистолет и сдал его немцам, немцы офицера расстреляли), Затыщев, Терпигореву, Каменеву, фельдшера Коллю ..., который тоже женился

и ожидал потомства. Удалось уйти в район Красного и врачу Богданову, но это уже летом 1943 года. Он пробыл в районе не много, ровно столько, сколько нужно было, чтобы связаться с партизанами, после чего, захватив с собою медикаменты, инструменты, перевязочный материал и своих, советски настроенных людей, он перешел на обслуживание одного из партизанских отрядов.

Другие реагировали иначе. Например, Фарахшин, направленный еще до Богданова в тот же Краснинский район, очень скоро вернулся оттуда и просил немцев дать ему другое назначение, так как он боялся партизан. Его тогда направили в район Орши.

Обычно отпущенные в район врачи, как например, Затычец, Терпигорева, Камынин и др., думали только о материальной стороне своего существования, зарабатывали очень много натурой – сельскими продуктами – и некоторые, как нам передавали, например, Затычец, сильно толстели.

В начале лета в лазарет прислали из большого лагеря военнопленного инженера-механика Семеновского Виктора Дмитриевича, которому было поручено выстроить большой пропускник в полуподвале части II-го корпуса, ближе к Киевскому шоссе. Он выселил оттуда сапожную, кожевенную и жестяночную мастерские, очень смело разрушил для расширения помещения часть внутренних стен, из-за чего появилась небольшая осадка и трещины в стенах вышележащих этажей. Также малоэкономно были устроены 5 дезкамер с топочными устройствами в помещении – камеры нагревались только отходящими из топок газами – и сделал еще ряд ошибок, так как он не был строителем и никогда не занимался вопросами санитарной техники. К замечаниям он относился очень нетерпимо, обнаруживая большое самолюбие. Но все же пропускник был сделан, немцы остались довольны, и этот пропускник начал обслуживать главным образом рабочие команды из города – заключенных из ближайшей тюрьмы (немцы очень боялись вшей как переносчиков сыпного тифа) – и больных лазарета.

Меня вызвал к себе Суржанинов и спросил, можно ли выстроить на месте существующего старого пропускника другой, вполне отвечающий названию «пропускник». Я сказал, что это вполне возможно и что я берусь это выполнить, начиная с проекта, который я могу дать к вечеру следующего дня и вплоть до укладки последнего кирпича. Мне только будет нужна помощь в отношении установки котла на 12 секций. Я охотно брался за эту работу, в которую входила также и реорганизация прачечной, примыкающей к санпропускнику, так как это мне давало возможность сохранить существующий ход паропровода и использовать его для бегства при установлении связи или же наличия проводников.

Как для устройства большого пропускника, так и для малого, а также для ряда других строительных работ нужен был кирпич. Для этого немцы разрешили выламывать этот кирпич из стен недостроенного здания детской поликлиники, расположенного около недостроенной котельной, куда выходил

ход паропровода. Конечно, эти работы происходили под внимательным присмотром немцев и русских полицейских. На эту выборку для отбора железных балок и других материалов ходил я, и это мне дало много. В первый же день я обратил внимание на выброшенную среди пашни грязную грудку бумаг. Надеюсь найти хотя бы относительно чистую бумагу для записей, я поднял первую попавшуюся бумагу, которая оказалась схемой Смоленской области. В основном эта схема послужила для ориентации при выработке маршрутов бегства, на нее заносились дополнительные детали.

Мой проект был рассмотрен лазаретным начальством и немецкими врачами, Семеновского пригласили как главного консультанта. Проект был утвержден, ибо немцы смертельно боялись сыпнотифозных вшей, и из проектанта я превратился в производителя работ.

Итак, я целиком ушел в работу по устройству пропускника, моей правой рукой был Латун.

Прачечную отделили совсем, но все же оставили одну дверь, которую, при случае, можно было открыть, если в этом будет надобность. Котельную я сделал на месте балкона с земляной засыпкой и кирпичной наружной стеной, причем перекрыл железными балками, уложенными почти вплотную. Над этим перекрытием было еще два балкона, таким образом, котельная превратилась в прекрасное бомбоубежище и по своему уединенному, изолированному расположению прекрасно служила мне местом для всех конспиративных переговоров.

Добыча материалов для стройки помогла мне очень хорошо ознакомиться с близлежащими окрестностями и спасти от разборки и уничтожения ход паропровода под тем предлогом, что через него выходит вода из прачечной, и другого выхода для отработанной воды нет. Это было в конце лета 1942 года.

Немцы непрерывно хвастались своими победами. Несколько раз нам передавали, что на фронте взяты большие количества наших пленных, в том числе много раненых и больных, и потому мы должны быть готовы к приему нескольких тысяч человек, однако эти сообщения на деле не подтверждались, и мы перестали им верить. К нам попадали только одиночные пленные из числа летчиков или разведчиков, от них мы узнавали, что наша армия крепнет и с каждым днем дает все крепче отпор, оснащение ее людьми и техникой все возрастает. Иногда у этих пленных сохранялись обрывки наших газет, которые мы с жадностью прочитывали.

Кроме этих пленных, попадали еще и перебежчики, почти исключительно из нацменьшинств, некультурные люди, не разбирающиеся в политическом положении. При переходе немцы выдавали им удостоверение о том, что они перешли добровольно, и уже в немецком тылу к ним относились по-другому, рассчитывая их забросить в антирусские части и использовать как пушечное мясо против русских. Их держали отдельно и значительно лучше кормили.

Осенью 1942 года немцы особенно стали хвастаться разгромом нашей значительной группировки, окруженной к ЮЗ от Харькова. Они говорили, что умышленно дали возможность этой группе наступать с некоторым успехом, а затем окружили ее и полностью уничтожили.

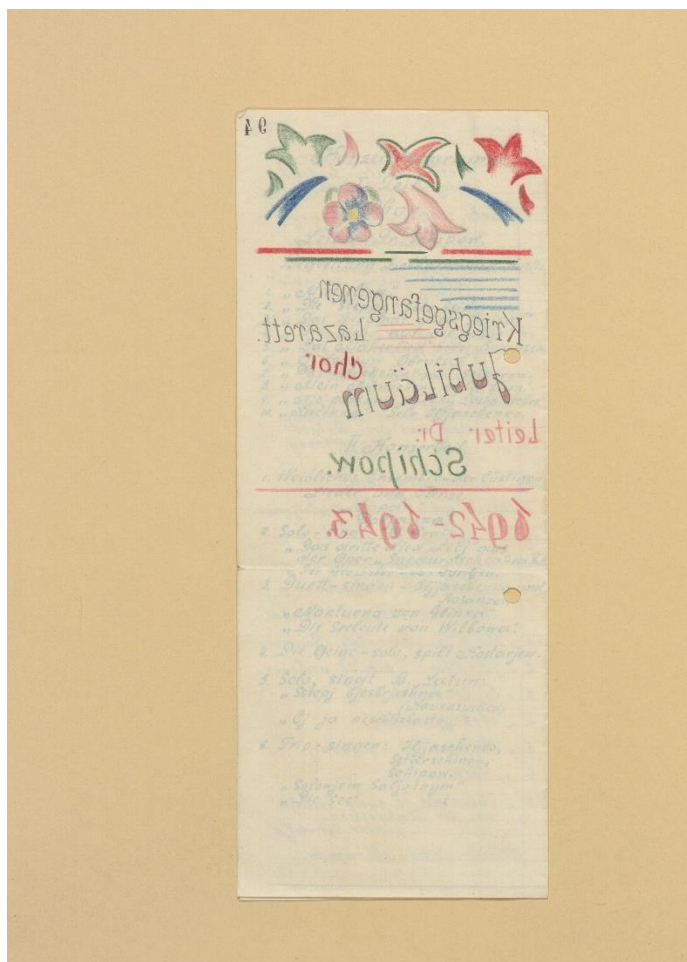
Затем началось наступление на Сталинград, взятие которого немцы считали решающим ударом для всей русской компании. Немецкая агитация через выпускаемые на русском языке газеты и иллюстрированные журналы работала вовсю. Успехи в Северной Африке (до небес восхвалялся генерал Роммель), колоссальные цифры судов, потопленных германским подводным флотом, успехи при их продвижении к волге и на Кавказ... Наши ребята совсем повесили носы. Но мы с Петровым старались вести свою агитацию – мы напоминали товарищам о мировой экономике, о громадных возможностях наших союзников и СССР, о беспредельных просторах, которые нужно еще пройти немцам, и о том, что кривая подъема мощи СССР и союзников непрерывно растет, и немцам становится все труднее. Русский добродушный и миролюбивый человек осознал всем нутром ужас немецкого вторжения и уподобился рассвирепевшему медведю, а силы у него много, и немцам будет плохо.

Имел успех старый анекдот об одном немецком враче, который в истории болезни одного больного ежедневно писал «легше», а затем заключительно написал «помер». Надо верить в свои силы и вспоминать истории вторжений в Россию, их успех в начале и неизбежный провал в конце. Одновременно с этой немецкой агитацией враги советской власти, как, например, врач Ширяев Николай Михайлович, начали вести беседы с санитарями о том, что пора всем вступить в ряды Власовской армии и активно помогать немцам против коммунистов, которых он согласен душить собственными руками... По его мнению, все миллионы русских военнопленных должны вступать в армию Власова. Услыхавши это, я довольно удачно заметил, что этих миллионов уже нет, что не менее 75 % их уже погибли от голода и ужасных условий в немецком плену, и вышло так, что, по существу, немцев можно благодарить только за быстрое уничтожение военнопленных, и этим военнопленным бессмысленно сражаться за своих убийц... Такая контрагитация была довольно рискованной, но я сдержаться не мог. После этого Ширяев замолчал в моем присутствии. Врач Штыкалев упорно, но довольно неудачно организовал церковный хор, усиленно посещал Смоленский собор и завел знакомство со всеми антисоветскими церковными элементами. Он почему-то часто посещал также представителя гестапо Рибиша и вел с ним продолжительные разговоры наедине.

К декабрю немцы стали помалкивать про Сталинград, и нам стало известно, что их дела пошатнулись. Чем больше немцы мрачнели, тем больше мы веселились. Наконец, мы узнали об окружении 6-ой немецкой армии, о том, что немцы отступают – это уже в начале 43 года. Немцы стали усиленно говорить о несокрушимом стальном вале их обороны, о который разобьются

все бессмысленные атаки Красной Армии, однако этот вал отступал все дальше на запад. Наконец, нам стали известны имена победителей под Сталинградом – имена Рокоссовского и Воронова. После уничтожения 6-ой армии, немцы объявили трехдневный траур. Для нас это было праздником.

С легкой руки товарища из основного лагеря у нас организовался очень приличный хор, появились и солисты, организовался маленький джаз-оркестр. Хором заправлял врач Шипов Павел Амплиевич, оркестром врач ..., сам скрипач. Ставили маленькие пьесы веселого содержания, появился конференсье Катаев, комик Пищальников, солист Сидоров (думаю, что его фамилия была другая). Содержание хоровых выступлений было схоже с выступлениями красноармейских ансамблей песни и пляски, у нас также нашлись плясуны. Выступления хора и солистов близко напомнили несчастным, полуголодным, оторванным от своих людей их родину и близких. На глазах у многих часто выступали слезы. Иногда репертуар удавалось расширить и экспромтом вдруг вставить песенку из «Веселых ребят» или еврейскую песенку из «Искателей счастья». Эти выступления вновь возвращали сознание забитой, униженной массе, военнопленные снова делались людьми, остро являлись желания, будились воспоминания, оживлялась психика.

Konzertprogramm.		95
I Teil.		
Chor.		
Leiter Dr. Schipow.		
Begleitung Ziehharmonica-Kultim.		
1. „Mietjeliza“	7. „Die Launen der Liebe“	
2. „Die Steppe“ Solo Ssidorow.	sketsch-spielen, Ssabisch,	
3. „Das Berühmt Meer Bajmal“	Hostajew und Pischtschaljnikow.	
4. „Die Eiche auf der Eiche“	8. Solo, singt - Iljjaschenko.	
5. „Das Glöckchen“ Solo Rosanzew.	„Gywejusja na nebo“	
6. „Gj lopnuw Obrutsch.“	„Spanische - Serenade“	
7. „Das Glöckchen“ solo Ssidorow.	9. Solo, singt Ssiolorow:	
8. „Mein Männchen - arbeitsam.“	„Sabyty njeschnyje Lośsanja“	
9. „Wie ossennij mjeelij Daskalitschen“	„Nebliger, Morgen“	
10. „Malinka“ Solo Iljjaschenko.	„Nordlichtsterne“	
II Konzertteil		
1. Weibliches Ensemble - der lustigen	10. Ziehharmonica - Duett	
Lieder und Tänze.	Spielen Gjerasimow und	
„Gopack“	Chikrjukow	
2. Solo - singt W. Prato.	Barcarole von Schubert.	
„Das dritte Lied Lelj“ aus	11. Solo singt - Rosanzew.	
der Oper „Sneurotschka“ von R.H.	„Meine Sonne“ von Karpua.	
„Der Glöckchen“ - von Gurijew.	„Arie aus Oper Rafael“	
3. Duett - singen - Iljjaschenko und	von Chrenskij.	
Rosanzew.	„Gj ty goi udaloj“	
„Nokturno von Glinka“	12. „Auf dem Ball.“	
„Die Seeleute von Wilbowo.“	Lustiges Tanz.	
4. Die Geige - solo, spielt Hostajew.	tanzen Ssabisch und Pischtschaljnikow.	
5. Solo, singt B. Latun:	III Teil.	
„Sstepj Gjesbrjeschna“	Chor.	
(Kaukasuslied)	Leiter Dr. Schipow.	
„Gj ja neschtschastnyj“	Begleitung Flügel Tjenow.	
6. Trio - singen: Iljjaschenko,	1. „Der Hausierer - Solo Rosanzew.	
Sstjarschinow,	2. „Joir Ohmel“ - solo Iljjaschenko.	
Schipow.	3. „Gj Uehngem“	
„Solowjem Saljožnym“	4. „Arbeiterpalais“	
„Die See“	5. „Rasmachnisj i priudarj“	
	6. „Reeviem“	
	7. „Sakunala ta syna Sosulja“	
	aus der Teaterstück.	
	„Nasar Sstodolja“	
	Konferencier - Abramow.	

(Перевод с немецкого Миронова О. А.)

ПРОГРАММА КОНЦЕРТА В ЛАЗАРЕТЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ ЛАГЕРЯ ДУЛАГ-126, ЮБИЛЕЙ, 1942-1943 Г.

Концертная программа

Первое отделение

Хор

Дирижер – доктор Шипов

Аккомпанемент – Кутлин, аккордеон

1. «Вдоль по улице метелица метёт»
2. «Степь, да степь кругом»
3. «Славное море священный Байкал»
4. «Как на дубе»
5. «Песня косаря»
6. «Ой, лопнув обруч»
7. «Однозвучно гремит колокольчик»
8. «Мой муженька-работяженька»
9. «Не осенний мелкий дождичек»

Второе отделение

1. Женский ансамбль весёлых песен и плясок
 - «Гопак»
 - «Полянка»
2. Соло, поёт В. Прато
 - «Третья песня Леля» из оперы Снегурочка (автор – Римский-Корсаков)
 - «Однозвучно звенит колокольчик» (автор – Гурилёв)
3. Дуэт, поют Ильященко и Розанцев
 - «Ноктюрн» (автор – Глинка)
 - «Моряки» (автор – Вильбоа)
4. Соло, скрипка, исполняет Костарев
5. Соло, поёт В. Латун
 - «Степь бескрайняя» (Кавказская песня)
 - «Ой, я несчастный»
6. Трио, поют: Ильященко, Старшинов, Шипов

- «Соловьём залётным»
- «Море»
- 7. «Капризы любви», скетч, исполняют Сабиш, Катаев, Пищальников
- 8. Соло, поёт Ильященко
- «Дивлюсь я на небо»
- «Испанская серенада»
- 9. Соло, поёт Соловьев
- «Забыты нежные лобзанья»
- «Утро туманное»
- «Северные звезды»
- 10. Дуэт, аккордеон, исполняют Герасимов и Микрюков
- «Баркарола» (автор – Шуберт)
- 11. Соло, поёт Розанцев
- «Моё солнце» (автор – Капуа)
- ария из оперы «Рафаэль» (автор – Аренский)
- «Ой, ты гой-еси удалой»
- 12. «На балу», весёлый танец. Танцуют Сабиш и Пищальников

Третье отделение

Хор

Дирижер – доктор Шипов

Акомпанирует, Фенёв, рояль

1. «Коробейник», соло, поёт Розанцев
2. «Яр-хмель», соло, поёт Ильященко
3. «Эй, ухнем»
4. «Рабочий дворец»
5. «Размахнись и приударь»
6. «Реквием»

7. «Закувала та сива зозуля», из пьесы «Назар Стодоля»

Конферансье – Абрамов

Комментарии переводчика

1. При переводе проводил изыскательскую работу, подбирая в некоторых случаях названия довоенных песен. Буду рад услышать мнение специалистов (например, Елены Валерьевны Гарибовой).

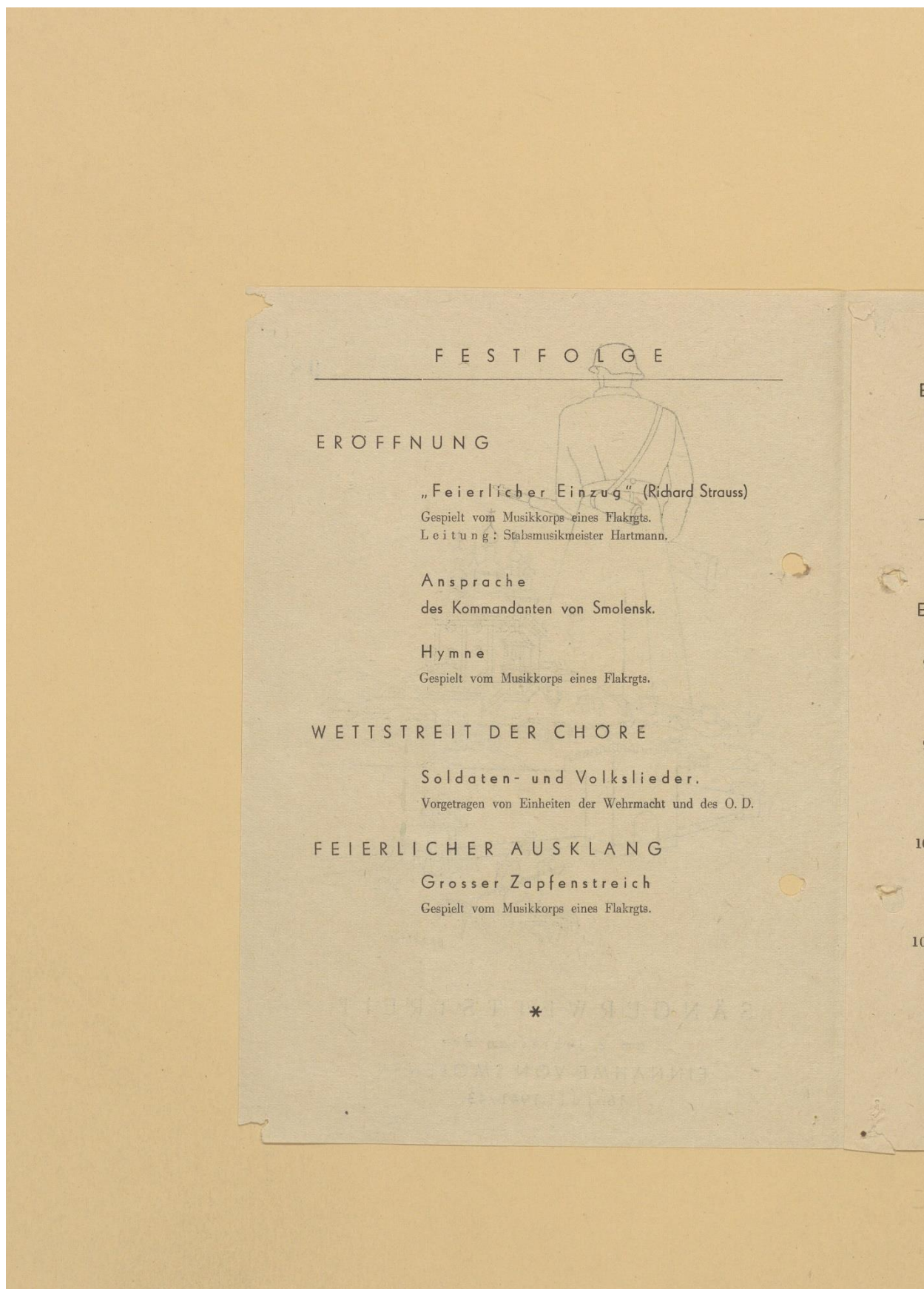
2. «Ой, лопнув обруч» — «лопнув» не опечатка, Украинская народная песня.

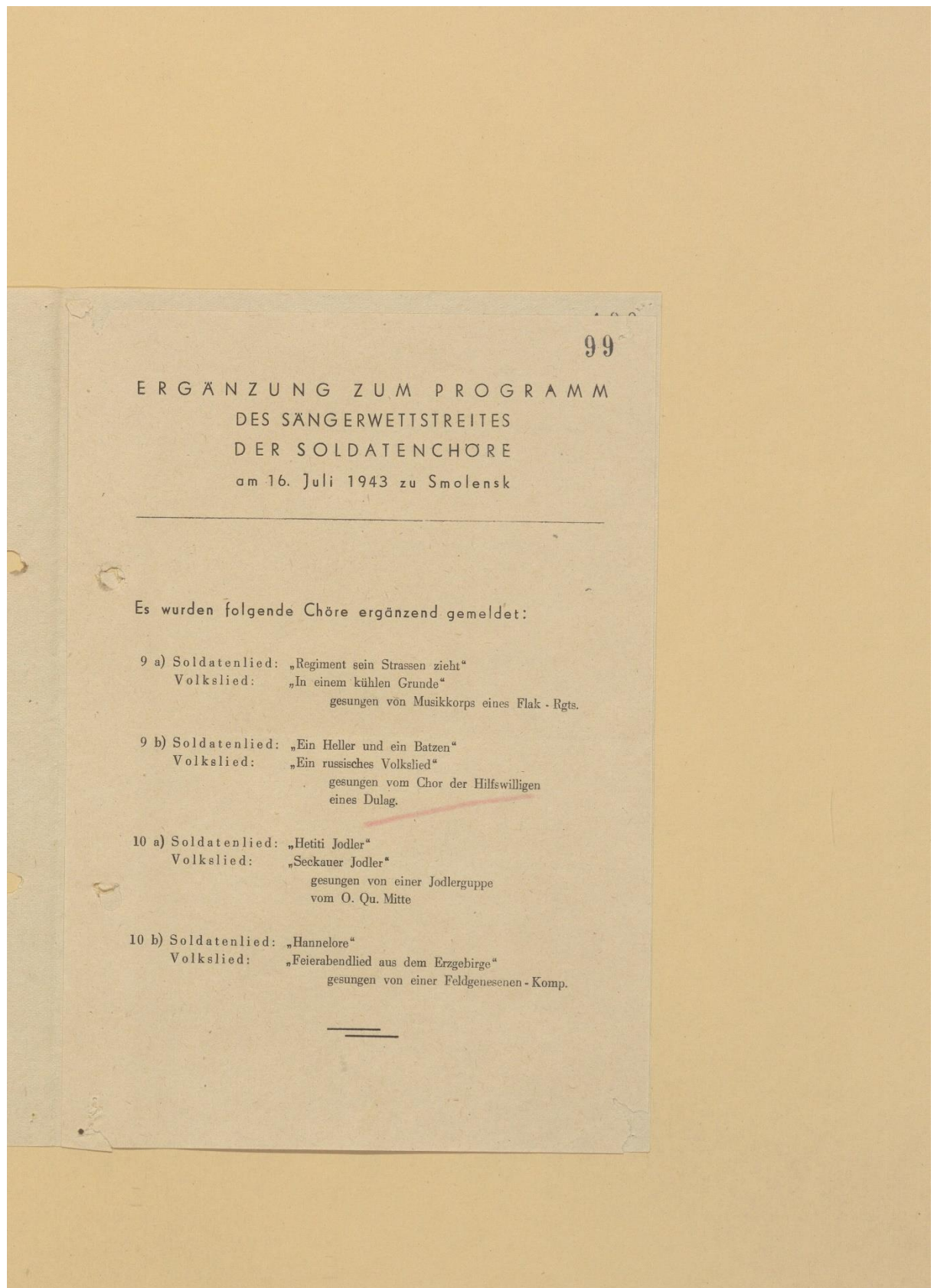
3. У меня остались сомнения по поводу переводу песни 4. *Die Eiche auf der Eiche* (дословно переводится «дуб на дубе»). Я предположил, что это песня «Как на дубе», хотя был вариант «Дубинушка».

4. Песню 6 во втором отделении (*de Seas* — «море») перевел как «Море». Также требуется мнение профессионалов о том, какие довоенные песни о море (с короткими названиями) были популярны, и военнопленные могли включить их в программу, иначе в данном варианте смотрится слишком общо, на мой взгляд. Возможен вариант, «Раскинулось море широко», смущает, что немец, которые писал афишу, не стал полностью писать это длинное название, хотя в других случаях делал это.

5. Песня 9 (*Nordlichtsterne* — дословно северное сияние) перевел как «Северные звезды». До войны был популярен романс «Северная звезда», но в названии в единственном числе. Хотел бы тоже услышать мнение профессионалов.

Фотографии программ концертов предоставлены врачом-исследователем
А. А. Шведом

Наша информация о событиях ширилась. Все, что случайно попадало из советской печати в лазарет, в конечном результате попадало к нам. Одно время был налажен радиоприем собственным маленьким приемником. Делалось это довольно просто – у немцев приемник почему-то начинал шалить (дело рук наших радистов), немцы не могли его исправить и отдавали на починку тем же нашим радистам, которые устанавливали его в подвале хирургического корпуса и слушали наши передачи без всяких помех. При этом приглашали и меня.

Когда я в первый раз услышал свое, родное радио, у меня закапали слезы, и их удержать я не мог.

Врач Штоклянд ведал секционной, куда для вскрытия часто приезжал немецкий врач анатомопаталог. Штоклянд был неосторожен, он забыл, что его раньше подозревали в неарийском происхождении и как-то раз попался на глаза шеф-арцту Заксу. Закс, увидев его, рассвирепел, раскричался – как мог этот «юда» сохраниться до сих пор – и дал приказ о немедленном его изъятии из лазарета и уничтожении. Изымал его переводчик Чак, с величайшим презрением отбирая наиболее ценные вещи из имущества Штоклянда. Штоклянд был отправлен в основной лагерь и уничтожен.

Через некоторый небольшой срок Чак был арестован и, как мы позже узнали, уничтожен, так как он был также «юда».

Вскоре после Чака был арестован другой переводчик Герман и заключен в тюрьму. Мы его видели месяца два спустя, его приводили из тюрьмы в пропускник. Он очень сильно похудел, просил дать папиросу.

Приблизительно в то же время привели из тюрьмы врача маленького Петрова, бежавшего ранее. Узнать подробности от него о его скитаниях не удалось. Значительно позже я узнал, что он почему-то был отправлен в Дурово, где местные крестьяне признали в нем партизана, доложили об этом немцам, и Петрова расстреляли. Где делась дружинница Рябова, мне узнать не удалось.

Весною 1943 года Закса сменил Гиват, добродушный толстый врач, любитель охоты, хорошо покушать и особенно – послушать русский хор. При нем начали демонстрировать немецкие кинокартины, конечно, большая часть которых имела значение агиток.

Например, перед одной из первых картин Гиват взял из своего кармана записочку, на которой немецким готическим письмом были записаны русские слова, отошел к окну и прочел: «Торокие русские, вам путет покасан Германия так, как она есть, смотрите – делайт сравнения с русской жизнью, делайт свои выводы». После этого была показана странная Германия с узкими улицами, большими арбами, запряженными волами, вспашкой земли плугом, запряженным с одной стороны лошадью, с другой – коровой...

Все ожидали показа каких-то достижений сельскохозяйственной техники, необычных комбайнов, тракторов и т. д. и были чрезвычайно изумлены, начались разговоры и смешки – сравнение было не в пользу

Германии. Гиват был несколько недоволен и озадачен. Ему, очевидно, казалось, что показ такой старинной идиллии должен был бы умилить русских...

Затем показали картину «Еврей Зюсс», поставленную по роману Фейхтвангера с некоторыми искажениями. Мультипликации-агитки были явно неудачны. Показывали также картину из спортивной жизни со странной для русских психологией. Кино явно не достигало той цели, для которой его показывали. Также показывали защиту Атлантического побережья, рекламируя ее как совершенно недоступную линию. Весною 1943 года Семеновский начал планировать площадку для прогулок, игры в городки и проч. На этой площадке выступали немецкие агитаторы. Первым выступил какой-то латыш на не совсем чистом русском языке. Он был несколько смущен, и из его речи можно было понять, что он был призван в русскую армию, при первой же возможности сдался в плен, причем сделался немецким солдатом, и солдатский паек у немцев был лучше, чем у русских. Затем он опять попал к русским и уже сам оттуда перебежал к немцам, где опять-таки подтвердилось превосходство немецкого пайка. Все к этому сводилось. Принципиальной стороны не было никакой. Его начали высмеивать за лишние 100 грамм хлеба в пайке немецкого солдата, и он довольно скоро оставил собрание.

Второй был из русских с правильным московским выговором. Он восхвалял жизнь в Германии и строй, создавший такую жизнь. По его словам, германское командование устроило экскурсионную поездку по Германии группе русских, которым демонстрировали работы на фабриках и заводах, сельскохозяйственных фермах и мелких сельских хозяйствах, частную жизнь рабочих и служащих и целый ряд городов. Этого агитатора здорово взяли в оборот пленные летчики и затем девушки, кто-то сказал, что его знает, что он – один из администраторов театра им. Станиславского. На вопрос, где он жил до войны, агитатор сказал, что в Москве. Тогда начали допытываться, как его фамилия, и по какому адресу проживает его семья. Он отвечал уклончиво. Вместо агитации получился допрос агитатора, который начал огрызаться, начал кричать, что его нельзя запугать, что он не из пугливых и т. д. Одним словом, его агитация была сорвана, и он был увезен из лазарета. Больше агитаторов в лазарет не присылали.

Нам, безвыходно заключенными за тремя провололочными оградами лазарета (немцы непрерывно усиливали провололочные заграждения), было, конечно, очень тоскливо, особенно весной, и мы заявили начальству, что на Пасху нам очень хочется побывать в церкви и послушать церковную службу. Немецкое начальство тогда разрешило довольно значительной группе медицинских работников в сопровождении охраны посетить Смоленский собор. В число этих медработников втерся и я со своими ребятами – Петровым, Востриковым и Латуном. Шугаева уже среди нас не было по причинам, которые я назову позже.

Впечатление от нашего посещения Смоленского собора было таково: центр этого красивого города сильно пострадал от первых налетов немецкой авиации, даже не от бомб, а от зажигалок – дома выгорели изнутри, в них провисли деформированные от огня железные балки. На окраине дома сохранились лучше. Тушить зажигалки в свое время было некому, противовоздушная оборона Смоленска не была организована. Собор, выстроенный, кажется, при Борисе Годунове, сохранился хорошо. Под его мощными высокими стенами немцы устроили небольшое кладбище для своих кавалеров железного креста, позже они их начали вывозить в Германию. Церковная служба шла не в Соборе, а в значительно меньшем помещении рядом с собором. Собор являлся музейной редкостью, и его посещало много любопытных немцев.

После службы мы попросили показать нам смоленский базар (за Днепром, недалеко от собора). Базар был небольшой и небогатый. Мы поменяли кое-какое барахло на лук, чеснок и лимоны – все же кое-какие витамины, которых мы были лишены.

На обратном пути мы встретили бывшего когда-то в лазарете и затем отпущенного на частную квартиру молодого врача Филёненко, прекрасно одетого, в щегольских блестящих хромовых сапогах и несколько навеселе. Он рассказывал, что ему живется весело и сытно. Но нас интересовало другое – вопросы подпольной работы против немцев. Он рассказал, что таковая, по слухам, ведется, что немцы еще недавно привели в тюрьму много арестованных русских за подпольную работу и связь с партизанами, и что почти все арестованные в настоящее время уничтожены. В тюрьме находится также много немцев, отказывающихся воевать, дезертиров и др. – их также беспощадно расстреливают. Много его не пришлось расспрашивать, так как наша охрана все же кое-что понимала по-русски, да и путь от места его встречи до лазарета был очень короток.

Эта прогулка дала нам много оживляющих впечатлений, еще сильнее захотелось нам бежать к своим. Но как найти хоть какую-нибудь связь?

Теперь несколько слов о Шугаеве. Еще не сошел снег от лучей весеннего солнца, и по утрам были крепкие заморозки, как он, врач Жуков и одна из девушек решили бежать.

Мы очень уговаривали не брать с собой девушку, недостаточно приспособленную для такого трудного бегства, и вообще отложить побег до более теплых дней, но они об этом не хотели и слушать.

Маршрут они выбрали тот же, что и бежавший первый Петров. Их выпустили через ход паропровода, и ушли они незаметно. Через день после их бегства мы узнали, что их уже поймали и заключили в тюрьму, в бункер. Через некоторое время мы узнали и историю их поимки. Они прошли всего 18 километров до бывшего совхоза ... по Рославскому шоссе и свернули влево, направляясь к деревне Боровой, но их спутница заявила, что она очень перемерзла и устала, и они по ее настоянию зашли к какой-то деревенской

женщине, которая их приняла очень приветливо, обогрела, накормила и, в довершение всего, привела немцев, которые их арестовали. Это была общая судьба всех беженцев в окрестностях Смоленска – население их немедленно выдавало. Немцы при этом не оставались в долгу и награждали предателей некоторой суммой марок или еще чем-нибудь. При бегстве местных жителей надо было бояться больше всего. Надо было уходить ночами, как диким зверям, не попадаясь на глаза никому.

Шугаев и ко выдержали бункер, их затем отправили в общий лагерь, затем дальше на запад. Больше о них мы не слыхали. Тайну своего ухода им удалось сохранить, и ход у нас остался.

Семеновский оказался своим парнем. Он имел право выхода из лазарета в город, так как он вел разные строительные работы не только для лазарета, но также по ремонту, например, квартиры для главного немецкого врача Гивата. Немцы с ним очень считались. В свободное время он разрабатывал конструкцию оригинального парового котла с максимальным к.п.д. Он слыхал в городе много новостей и сообщал их нам.

Наши шахматные состязания занимали много свободного времени и хорошо отвлекали немцев от наблюдения за нашей подпольной деятельностью. Появился молодой немецкий врач Якоб, помощник Гивата, классный шахматист, который рассказывал, что, будучи студентом, он зарабатывал шахматами себе на пропитание, делал турне не только по Германии, но и по Италии. Немцы ему не очень доверяли. Когда однажды разговор среди немцев коснулся бегства группы русских из основного лагеря (бежала группа музыкантов и певцов, воспользовавшись налетом нашей авиации и страхом немецкой охраны, они захватили автомашину и на всем ходу вырвались из лагеря – потом их выдало местное население), то Якоб заявил, что он на месте русских поступил [бы] так же, что это вполне естественно. Такое заявление сильно шокировало немцев.

Якоб давал сражение сразу на 6 досках и в большинстве случаев побеждал. Одним словом, у немцев создалось впечатление, что мы – отчаянные шахматисты, ни о чем другом не думаем. Это нас спасло от слежки и от высылки на запад.

В начале лета внезапно были высланы на запад врачи Востриков, Омеличев и Ступин, причем все лучшие носильные вещи были от них отобраны. В любой день и нам могла грозить такая же участь, так как количество больных сильно сократилось и не пополнялось. Оно начало пополняться только при наступлении Красной Армии, когда немцы начали эвакуировать более восточные лазареты, расположенные ближе к Вязьме и затем к Ярцеву.

Нужно было бежать, пока еще будет тепло. Вся наша надежда на связь с подпольными организациями или партизанами зависела от Семеновского, и он начал усиленно действовать в этом направлении.

И вот в июне он сообщил нам, что связался с подпольной смоленской организацией, представитель которой – очень интересная женщина, обещающая дать конкретные указания и проводника для нашей группы, для чего Семеновскому нужно было навестить ее еще раз. Мы с нетерпением ждали этого второго свидания, но второе свидание не дало ничего конкретного – представительница сказала, что еще не прибыли люди, могущие отвести нас к партизанам.

В лазарете появился мальчик из крестьян лет 15-ти, он был арестован по подозрению в связи с партизанами. Семеновский с ним разговорился и узнал от него, что, действительно, он был у партизан, где и сейчас находится его отец, километрах в 60-70 к северо-востоку от Смоленска. В Смоленске находится его мать. Мы решили выпустить его из лазарета с тем, чтобы он помог нам бежать и привел в условленное место взрослого проводника, которого мы могли бы узнать по некоторым условным, заранее обусловленным, признакам.

Во время наружных работ, которыми руководил Семеновский, мальчика удалось выпустить – это было легко, так как он был маленький и в штатском платье. Паренек ушел, но проводника не прислал.

Помимо нашей организации, бежало 3 человека из обслуживающего среднего персонала, для чего они подняли пол в прачечной и ушли через ход паропровода. Немцы немедленно обнаружили путь их бегства, и срочно приказали Семеновскому замуровать этот ход, чтобы не было никакой возможности бежать в будущем. Для этого по их указаниям были поставлены кирпичные стены на цементе при входе в туннель и при выходе из него. Затем весь туннель под помещением прачечной был завален огромными обломками от взорванной трубы котельной. Для вывода воды из прачечной была внизу, под завалом и стенкой, проложена труба около 25 мм диаметром. После этого, казалось, бежать этим ходом было невозможно. Но немцы произвели эти работы, конечно, не сами, а руками русских, и во главе рабочих, главным мастером, был наш Латун. С трудом достали некоторое количество сахара-песка и добавили его в часть цемента, пошедшего на заделку первой стенки, так как за этой работой особенно тщательно следили немцы. Цемент остался белым, но в том месте, где он был с сахаром, его, конечно, не схватило как следует. В цемент стенки при выходе примешали немного глины, цемент несколько потемнел от этого, но немцы на это внимания не обратили. Кроме того, они еще не учли того, что во дворе был еще один смотровой люк, спустившись в который, можно было миновать первую стенку. Конечно, спуститься в люк было трудно, так как он был на виду у охраняющих лазарет полицейских и немцев.

Нашу организацию постигла вторая неприятность. При попытке второго посещения смоленской подпольной организации Семеновский чуть было не попал в руки гестапо, которое арестовало до 70 человек этой организации,

другими словами, почти полностью разгромило и вскоре физически уничтожило ядро смоленской организации. Наши надежды рухнули.

В 45 километрах от Смоленска на СЗ, на берегу Днепра, находится село Гусино. В этом Гусине находились какие-то продовольственные склады, обслуживаемые русскими военнопленными. Во главе этих складов был известный нам по работе его в лазарете немец Курт. Курту не нравились помещения подведомственных ему русских, а также проволочные ограждения их жилья, и он призвал Семеновского с тем, чтобы последний составил проект перестройки этих помещений и затем руководил этими работами. Семеновский поехал и вскоре приехал оттуда в хорошем настроении. По его словам, кругом Гусина находится много партизан и с ними легко завязать связь. При вторичном посещении Гусина ему удалось установить и организовать следующее: шофер машины из основного Смоленского лагеря по прозвищу «профессор» знаком с партизанами и уже посещал их два раза. Женщина-кухарка, обслуживающая немцев в Гусине, тоже имеет связь с партизанами.

Через шофера Семеновский договорился о следующем: около 5 км на восток от Гусина по трассе Минск-Смоленск имеется километровый столб с отметкой 242. От этого столба несколько на СЗ в одном-полтора километрах, на опушке леса находится дом лесника, где живут люди, имеющие постоянную связь с партизанами. Если мы явимся к ним и скажем пароль – «мы от профессора», то нас немедленно отведут к партизанам. Обсуждая все это втроем (Петров, я и Семеновский), мы решили, что ожидать нам более нечего. Наши обязанности мы распределили так: я брался возобновить подземный ход и проверить возможность бегства через него. Семеновский должен был поддерживать связь с «профессором»: быть может нам удастся с комфортом за полтора-два часа на машине доехать до 242 столба и часа через три после побега быть уже у партизан. Петров должен был организовать людей для побега, что надо было сделать весьма тонко, чтобы не выдали, не разболтали. Кроме всего прочего, если идти пешком, то нужны продукты – кое-что надо достать. Идти только ночью, не вступая в контакт ни с кем из местного населения. Эскизы местности и компасы у нас были.

За несколько дней до предполагаемого выхода умер художник-москвич, и половина населения лазарета вышла его проводить на кладбище. Выходя из ворот, я увидел представителя гестапо Рыбиша в сопровождении двух немцев, наблюдавшего за выходящей толпой, а совсем близко от него, на земле, кем-то оброненный компас... Я быстро нагнулся, поднял компас и положил в карман – хороший знак для бегства!

Я созвал своих работников пропускника и дал им задание: вскрыть аккуратно три доски в полу чистой одевадьни пропускника, узким ходом, ведущим оттуда, проникнуть под прачечную и растаскать сверху куски от трубы котельной, оттаскивая их вглубь помещения, добраться до первой стенки и в точно указанном месте (где был положен в цемент сахар) сделать

отверстие. Вторую, дальнюю стенку, пока не трогать. Мои ребята были очень изумлены, они полагали, что ход возобновить нельзя, и они не предполагали о существовании продолжения хода под помещениями пропускника. Ребята очень обрадовались.

Работа началась этой же ночью, что вполне возможно было сделать ввиду полной изоляции пропускника и комнаты обслуживающего его персонала от остального лазарета. Работа была очень трудная, но продвигалась вперед успешно.

С другой стороны, я был здорово встревожен вопросами, связанными с подготовкой людей к бегству. Несмотря на мои предостережения, будущие участники бегства посвятили в свои планы нескольких девушек, тоже собиравшихся бежать. Девушки начали болтать. Глазной врач Шипов, руководитель хора, ничего не знающий о предполагаемом бегстве, сообщил мне, что к нему ходит лечиться одна из девушек, которую следует лечить длительное время. Эта девушка сообщила ему, что ей на этих днях придется прекратить лечение, что она уходит из лагеря, давая ясно понять, что она собирается бежать. Эта болтовня заставила нас максимально ускорить подготовку к бегству, так как разговор о нем неизбежно и скоро дойдет до немецкой агентуры и последует тягчайшая кара...

Семеновский против нашего желания посвятил в планы бегства зубного врача Кулакова, которому мы не очень доверяли, и его брата-слесаря, который сообщил об этом другим слесарям. Они перебрались в продовольственный склад и выкрали оттуда большой ящик с мясными консервами в банках, но, несмотря на наши убеждения, не пожелали распределить эти банки между участниками бегства, боясь, что консервы (а также потом они выкрали еще ведро с искусственным медом) у них заберут, а их не возьмут с собой. Мы им не сообщали тайны ухода в подземный ход, так как узнавши это, вся эта публика немедленно полезет удирать, не дождавшись других, и вообще может сорвать окончание работ по очищению хода. Слесари были очень недисциплинированные и плохие товарищи, думающие только о себе. Эта публика также легко могла разболтать. Летчики тоже были недостаточно конспиративны...

Набралось нас около 40 человек – сапожники, банщики (среди последних был один капитан), слесаря, врачи, средний обслуживающий персонал.

Петров установил график, в какой очередности какая группа должна бежать. В первую очередь уходят работники пропускника, работавшие на прокладке хода, так как если ход обнаружат раньше времени, то им попадет больше, чем кому-либо из других. За ними уходим мы – я, Петров, Орлов, с нами Латун, санитар Сережка (лейтенант), Тоня (разведчица). За нами идут сапожники и далее летчики, которым труднее всего попасть в ход, так как они обитают в другом корпусе, и им надо перейти через двор. Если их пустить ранее других, то это может сорвать все дело не только для них, но и для других.

Мои ребята сообщили мне, что дошли до первой стенки. Я направил Латуна, чтобы он пробил эту стенку в том месте, где им был положен в цемент сахар, пролез через дыру и дошел до стенки, закрывающей выход. Поздно вечером ко мне зашел Латун (он жил в смежной по коридору комнате), это было 26 июля, перепачканный землей, и доложил, что, хотя и трудно, но по ходу можно пролезть, стенку он проломил и дошел до наружной стенки. Ход к бегству был готов.

Я сообщил Петрову, что мы должны бежать завтра, не позже, так как много людей посвящено в план бегства, и налицо огромный риск, если мы будем откладывать. Петров здорово волновался. Он должен был с утра сообщить всем участникам бегства тайну выхода в подземный ход и точно время ухода для каждой партии. Семеновский предполагал выехать на машине в Гусино рано утром 28 июля, предполагая, что нас могут не хватиться так часов до 10 утра. Приехав раньше нас в Гусино, он должен был немедленно бежать к партизанам и организовать дежурство у километрового столба 242 километра для приема прибывающих к этому месту беглецов. За 27 июля все пищевые продукты должны быть распределены между всеми беглецами.

Если бы фашистская агентура была бы внимательнее, то она заметила бы значительное оживление и много бесед отдельных лиц, старавшихся для этого уединиться, а также взволнованный и оживленный вид некоторых участников бегства.

Слесаря оказались 100 % свиньями – они не желали распределять банки с консервами и мед между участниками бегства, говоря, что это сделают перед самым бегством. Они почему-то думали, что продукты у них заберут, а самих их не возьмут. Я три раза посылал к ним за продуктами, и все безрезультатно. Только одному работнику пропускника, гармонисту Геннадию, удалось получить у них несколько банок с консервами, которые он пронес в футляре от гармонии и распределил между своими четырьмя товарищами. Наступил вечер. До 9 часов я играл в шахматы, затем сказал, что устал и иду спать. В комнате меня уже ждали Петров, Латун и Семеновский. Петров был в эту ночь дежурным по лазарету, и мог бродить безо всякого подозрения всю ночь. Он не мог сдержать своего волнения. Семеновский его успокаивал, и, наконец, мы отправили его вниз в пропускник, а сами вышли – я, Латун, Сережка и пекарь – на лестницу, оттуда на чердак и с чердака начали спускаться заброшенной лестницей прямо в подвал. На чердаке было чертовски темно, и нас вел Латун. Спускаясь вниз по лестнице, у Латуна выскользнул из-за пояса котелок и с грохотом покатился вниз. При этом шуме голоса дежурных у входа, расположенного в непосредственной близости от лестницы, смолкли. Мы замерли на месте... Но вскоре разговор опять возобновился, и мы продолжали наш спуск. При входе в подвал нас встретила Тоня и сообщила, что банщики уже ушли, Петров тоже полез в ход. Под ногами были какие-то банки, но мы на них не обратили внимания. В пропускнике было темно, и в полу чернело отверстие от двух вынутых досок. Я уходил последним. Когда я с трудом

спустился в узкую щель, где нельзя было повернуться, мне сперва показалось, что этой дырой пролезть нельзя. Но зная, что ряд товарищей уже ушли, я протиснулся и пополз по горизонтальному ходу под полом. Внизу хода стояла вонючая вода на глубину выше колена. Над водой сбоку шла труба паропровода, по которой я и полез. Через каждые полтора метра вверх были железные кронштейны для поддержки свода над ходом – под ними проползать было очень трудно. Хотя я двигался очень медленно, но быстро нагнал проползавшего впереди Орлова. Он дальше не двигался, кто-то не мог впереди протиснуться, это задерживало всю группу. Было очень душно, повернуть назад было немыслимо, от усилия удержаться на трубе, от напряжения начинали дрожать руки и ноги. Вещевой мешок здорово мешал продвижению. Хорошо еще, что я бросил в комнате свою шинель, с нею я не смог бы протиснуться. Наконец, Орлов двинулся вперед – оказалось, что всех задерживал Петров, который по своей толщине не мог протиснуться в дыру через первую стенку. *(Мне дедушка рассказывал, что Александр Прохорович Петров был маленького роста и все время толстым. Он не похудел даже при плохом питании. Возможно, у него был голодный отек. Во всяком случае, когда делалась дыра в стене, ее делали для «широких плеч», и никто не думал, что там может застрять живот Петрова. Убегавшим повезло в том, что Петров не шел первым. Когда он создал собою пробку в дыре, его передние бежавшие выдернули из этой дыры, после этого смогли пройти остальные [прим. ОИЯ])* С большим трудом и я долез до этой дыры и бросил через нее свой мешок, а затем и сам полез вниз головой. Далее проход был высоким. Я поднял свой мешок и пошел вперед. Каждый шаг гулко отдавался под сводами и казалось, нас должны были слышать: сверху – охрана лагеря. Все торопились выбраться наружу. Наконец, дыра во второй стенке, за нею ров – бывшие остатки разрушенного хода.

Темная тихая безлунная ночь... Пахнет созревающими хлебами. Согнувшись, мы пробегаем через полевую дорогу и входим в густое поле ржи. Мы все обессилили от прохода через подземный ход и, добравшись до первого оврага, садимся на несколько минут отдохнуть. Но надо спешить. Со стороны покинутого нами лазарета слышны оживленные голоса охраны, блестит фонарь. Но скоро все затихает, и мы идем через хлеба дальше. Нам нужно перейти через киевский тракт, но мои спутники почему-то тянут влево, несмотря на мои протесты. Наконец, мы натываемся на какую-то проволоку, недалеко слышна немецкая речь. Здесь стоят зенитные батареи.

Я беру на себя роль провожатого, круто поворачиваю вправо, вскоре мы переходим через шоссе, и опять углубляемся в хлебное поле. Идти трудно, ноги путаются в колосьях. Идем мы медленно, но ускорить движение не можем – обессилели. У нас есть фляги с разбавленным спиртом и с некоторым количеством эфира. Я отпиваю несколько глотков, и вместо бодрости вдруг чувствую такую слабость, что принужден сесть на землю. С большим трудом приподымаюсь и веду группу дальше.

Начинает светать. Леса вблизи нет, но среди ржи видны небольшие густые кусты, около которых растет трава. Мы пробираемся к третьей группе кустов и залгаем в нее. Светает все больше. С одной стороны поет петух, ему откликается другой с противоположной стороны. Я приподнимаюсь и вижу две деревни с двух сторон, так в километре от нас каждая. Но дальше уходить некуда, и мы стараемся незаметно расположиться на отдых.

Вдруг близко раздаются шум и шаги, и в наши кусты кто-то входит – мы видим возбужденные лица, у одного в руке нож – это оказывается группа слесарей с врачом Кулаковым. Они вышли из хода за нами и случайно шли той же дорогой. Они просят нас дать им покусать, так как с собой не захватили второпях ни одной банки с консервами, ни хлеба, ни меда. И другим не дали, и себя не обеспечили, просто вели себя, как идиоты! С ними артист Пищальников. Делимся с ними нашими сухарями, которых, в сущности, у нас не хватит на два дня...

Среди дня мимо наших кустов проходят бабы с косами и косят траву. По счастью, никто из них в кусты не заходит, и до вечера нас никто не обнаруживает.

Километрах в 4-5 от нас видно здание лазарета, из которого мы бежали, и если бы немцы по нашим следам пустили ищейку, то через час они нас опять бы захватили... Но, к счастью, они до этого не додумались или, быть может, из хода [вело] так много следов в разные стороны, что не известно, по каким [было] идти. Ведь не все бегущие идут по нашему маршруту. Нас всего 13 человек, с нами вместе идет один майор-летчик, очень ослабленный, я, Петров, Латун, Орлов, Кулаков, Сережка, Тоня, пекарь, майор, Пищальников и три слесаря. *(Предполагаю, что могла быть и иная причина – немцы были уверены, что население сдаст беглецов, тем более что бежало много народа. Меня другое удивляет, – по полю прошло так много народа, фактически должна была образоваться дорожка, по которой очень легко найти людей... [прим. ОИЯ]).*

Начинает темнеть, и мы выходим из кустов. Поля совершенно безлюдны. Мы идем напрямиком, без дороги, по компасу. Идем сперва несколько на ЮЗ, затем на З, а затем на СЗ. Пробираемся невероятно густой рожью вдоль далеко растянувшейся деревни, через которую переходить мы не хотим, по выходе в поле мы не досчитываемся майора-летчика. Он отстал от нас, должно быть, не имея сил так быстро двигаться. Окликать он не стал, боясь выдать наше присутствие. Потужили мы о нем и пошли дальше. На рассвете пересекли Краснинское шоссе и нашли уютные густые кусты среди поля, где и легли отдыхать. Слесаря опять потребовали хлеба, мы им отдали половину того, что имели, и сказали, что больше не дадим. Они были очень недовольны, сразу съели все и остались голодны. После короткого обсуждения они заявили, что пойдут отдельно, так как намереваются питаться в деревнях.

На дневном отдыхе нас никто не беспокоил, и вечером мы вышли в дальнейший путь. Слесаря и Пищальников пошли отдельно, а врач Кулаков

присоединился к нам. Нам нужно было идти до Днепра и переправиться через него. Для этого мы пошли на СЗ, перед рассветом вышли к Днепру и начали искать место для дневного отдыха.

Наконец, нашли неширокую полосу кустов среди мокроватого луга со следами пребывания стада. Место это не нравилось, но другого искать не было времени, так как стало довольно светло. Не успели мы задремать, как начался дождь, от которого меня спасала плащ-палатка. Но от дождя укрыться было некуда, и мы оставались на месте.

Вскоре раздались женские голоса, мычание стада, удары бича и ругань старика-пастуха. Стадо паслось справа с одной стороны кустов, затем с другой, после чего старик как будто ушел. Женщины, помогавшие ему, зашли в кусты и обнаружили несколько человек из нашей группы. Они перепугались и хотели бежать, но наши их задержали, рассказали о том, что они беглецы и просили их чем-нибудь накормить. Женщины отнеслись сочувственно и обещали принести молока и хлеба, после чего ушли. Мы были крайне обеспокоены – выдадут или нет? Большинство решило, что выдадут и что нужно спастись в другом месте. Наша разведка обнаружила недалеко густо заросший овраг с ручейком, пересекавший большую дорогу. Со стороны дороги – треск мотоцикла. Обождав, пока он стихнет, мы перебежали в овраг, где было много малины, и спрятались там.

Только стало вечереть и мы собрались в путь, как невдалеке увидели группу из 4-х человек, идущую к нам. Это оказались наши же слесаря и Пищальников. Они чувствовали себя хорошо, так как женщины, говорившие с нами, действительно принесли молоко и хлеб и, не найдя нас, обнаружили слесарей и отдали им свои харчи.

На этот раз мы решили опять идти вместе и пошли безлюдной проселочной дорогой вдоль Днепра. Часа через полтора мы дошли до деревни, прошли около ее края, не встретив никого, а затем опять ушли с дороги. После короткого отдыха наша группа в 8 человек пошла дальше, а слесаря решили спать с тем, чтобы путь продолжать днем. На рассвете мы нашли густые кусты, кончающиеся в метрах 30-ти от берега Днепра, и залегли в них. Днепр оказался нешироким, но глубоким. Противоположный берег – правый – был высокий и заросший сосновым лесом. Где-то за лесом пел петух, слышались звуки и шумы близкой деревни. Когда взошло солнце, ребята выгнали лошадей на луг за нашими кустами. Через Днепр они переплывали верхом на лошадях. Один из них так близко проскакал от нас, что мы его хорошо разглядели.

Я и Латун настаивали на том, чтобы переправиться в этом месте, но остальные были против и настаивали, чтобы спуститься немного ниже, где будет менеелюдно, и переправиться там.

С наступлением сумерек мы опять двинулись в путь, и через километр нам преградила дорогу неширокая, но глубокая, густо заросшая речка, впадавшая в Днепр.

Наши попытки переправиться через нее с вещами не увенчались успехом, было около берега очень вязко, и мешали кусты. Конечно, перейти было можно, но не все хорошо плавали, и большинство решило пройти вверх по речке – там, вблизи, несомненно была через нее переправа для идущих вдоль берега Днепра. В темноте мы найти переправы не могли. На лугу мы встретили лошадей, и нам показалось, что какой-то человек побежал до нас. Мы испугались, что это пастух, могущий нас выдать, и вернулись опять к Днепру, а затем обнаружили, что это был один из нас, и вернулись обратно. Речка становилась все уже и мельче и, наконец, перешла в журчащий ручей, через который мы и перебрались вброд.

После короткого путешествия по лугам мы опять вышли к Днепру, вдоль которого шел густой лес, через который лежала довольно широкая дорога. Я предложил остановиться здесь, днем сделать из сухих сучьев плот и в сумерках переправиться на ту сторону, но остальные этот план не поддержали и решили идти по дороге через лес дальше. Но почему-то боялись встречи по дороге немцев или партизан, которые могут сразу открыть по нам ружейный огонь. Никто не хотел идти впереди, и сперва пошел шагов на 50 вперед Петров, затем вскоре сменил его я и так вел группу до рассвета. Мы дошли до опушки леса, около которой были картофельные поля. Все кинулись рыть картофель, и я с трудом собрал всех для дальнейшего пути к Днепру, от которого мы при переходе через лес отделились. Около Днепра мы нашли много грибов и решили сварить хорошую похлебку с картофелем и грибами. До чего хотелось есть! Наши сухари давно были прикончены, да они мало удовлетворяли наш голод. Начали в овражке разводить костер, который сильно дымил, так как топливо было сыровато, была сильная роса утром.

Вдруг послышался щелк бича. Пастух пел во все горло, приближаясь к нам. Вдруг он замолк и через некоторое время к нам подбежал врач Кулаков, который встретил пастуха. Пастух очень перепугался за нас и сказал, что около 200 немцев идут облавой в лесу и, если мы хотим избежать поимки, то в нашем распоряжении считанные минуты.

Костры погасили и кинулись к выходу из леса, к Днепру. Лес был крупный, кустов мало, спрятаться негде. За лесом, среди холмистой местности шел большой и длинный заросший овраг с ручьем, впадавшим в Днепр. Мы решили разбиться на мелкие группы, чтобы вечером собраться у края леса. Латун и пекарь Миша ушли в кусты на берегу Днепра, Петров и Кулаков быстро пошли по оврагу, я и Орлов тоже пошли в овраг, только дальше от берега, чем Петров. В овраге было сыро и много малины. Лечь было негде. Мы решили несколько пройти вверх по оврагу. Здесь я потерял Орлова, который, перебегая, скользнул в какие-то кусты. Кричать было нельзя.

Недалеко я увидел стадо, которое пас старик и небольшой мальчик, и я решил поговорить с пастухом, чтобы он накормил меня и посоветовал, как перейти через Днепр.

Я подошел, поздоровался и рассказал, что нас трое бежало из Смоленска, что я потерял товарищей и прошу его помощи, за что могу отдать 150 рублей советских и брезентовые сапоги, бывшие у меня про запас. Пастух обещал прислать мне в кусты с мальчиком молоко и яички. С переправой через Днепр было трудно. Лодок немцы не позволяли держать на реке. Сегодня только на несколько часов спустили лодку, чтобы перевезти несколько человек в церковь на другой берег, но перевоз контролируется. Недалеко от оврага – немецкое хозяйство. Гражданские немцы захватили хороший совхоз со всем инвентарем и обрабатывают сами землю. Около этого совхоза находится немецкий отряд в 250 чел.

Надеясь, что пастух меня не выдаст, я спрятался на его глазах в кустах в небольшом углублении и задремал. Часа через два меня разбудил мальчик – он принес два яичка и небольшой кусочек ужасного хлеба с овсюгом, выпеченный из раздавленных сырых зерен ржи. Я с жадностью все это съел и отдал ему сапоги. Он сказал, что может быть принесет мне еще молока, и я опять задремал. Меня разбудила Тоня, которая тоже разговаривала со стариком-пастухом, и он указал ей мое местопребывание. Она также нашла Орлова и указала, где он находится. Мы уговорились с наступлением сумерек встретиться в том месте, где овраг примыкает к Днепру. Она думала, что лодку прячут там, и можно будет ею воспользоваться.

Вскоре после ее ухода я услышал немецкую речь. Были ли это колонисты или солдаты – я не знаю. Я решил забраться глубже в овраг. Часа через два я услышал нечто вроде женского голоса, который кого-то звал.

Когда начало темнеть, я вышел из своего убежища и пошел искать Орлова. Его я не нашел, но он потерял свой брезентовый мешочек, который я и поднял в том месте, где он сидел днем.

Затем я пошел вдоль оврага к Днепру. Окликнул – никого нет. Я чувствовал себя очень одиноко и решил дожидаться. Ночь уже спустилась. Наконец, я услышал сдержанные голоса. Это были Тоня, Орлов и Сережка. Они искали лодку, но лодки не было. Тоня ругала меня. По ее словам, пастух взялся перевезти нас, и она меня искала и даже кричала, но найти не могла. Пастух же без меня перевоз не хотел организовывать. *(Отец имел талант находить общий язык с людьми. Его обаяние вызывало доверие [прим. ММЯ])* Все же она надеялась найти лодку, но лодки не было.

Тогда мы направились вниз по течению Днепра, желая найти деревню Кобычино, где, по словам пастуха, жил на берегу рыбак, у которого была лодка. Мы долго шли, сперва по малопроезжим заболоченным местам около самого Днепра, а затем по полевой дороге вдоль Днепра. По словам пастуха, эта деревня была в 2-3 километрах, но мы быстро шли уже часа полтора – деревни не было. Мы подумали, что она осталась в стороне, сзади и решили задержаться на отдых, чтобы днем сориентироваться. Мы остановились на высоком песчаном берегу Днепра с богатыми посадками сосны, еще молодой. Когда рассвело, то спереди и сзади нас оказалось по

деревне. Которая же из них Корыбчино? Мы решили послать на разведку Тоню, а сами начали сооружать из сухих сосновых сучков плот для вещей. К вечеру вернулась Тоня, принесла около литра молока и рассказала, что встретила парня из бывших военнопленных, который подтвердил, что у рыбака в деревне Корыбчино должна быть лодка, и советовал нам ночью потребовать у этого рыбака лодку для переправы. Но, заходя в деревню, он советовал внимательно наблюдать, нет ли в деревне немцев, так как их большой отряд идет партиями и переходит из села в село.

Настала ночь, и я с Тоней отправились на разведку. Сережка оказался порядочным трусом. Орлов, хотя был на два года моложе меня, разыгрывал из себя старика, не способного к активным действиям.

Мы осторожно подошли к деревне. Слышен был женский смех, мужские голоса. Я не мог разобрать отдельных слов, но Тоня утверждала, что разговаривают по-немецки, и потому мы ушли к своим, не заходя в село. Переночевали, вернее, передневали, в густом молодом сосняке. С вечера попробовали спустить на воду наш плот, но он не мог выдержать тяжести даже одного вещевого мешка с нашими пожитками.

Когда наступил вечер, я настоял, чтобы мы все пошли в деревню, в которой, наверное, немцев нет, так как никто не стрелял, а немцы всегда ночью стреляют, и, найдя рыбака, взяли бы у него лодку. Немцев в деревне, действительно, не оказалось, и мы сразу нашли дом рыбака, стоявший несколько особняком. На наш упорный стук открыла двери жена рыбака, которая заявила, что ее муж уехал на несколько дней, и клялась в том, что лодки нет, ее будто бы уничтожили немцы. От нее мы узнали, что на сеновале спит старый дед, мы разбудили и его и грозно требовали лодку, для устрашения постукивая в металлические фляги для воды. Но ничего не помогало. Наконец, я категорически заявил жене рыбака и деду, что мы не уйдем, и им будет очень плохо, если они не дадут возможности переправиться нам на другой берег. Старик тогда сказал, что некоторое время назад здесь переезжала группа партизан под предводительством человека, называвшего себя Махном, и они сняли с петель ворота колхозного сарая, положили их на бревна, которые лежат на берегу, и переправили на этом плоту свои вещи.

Мы тогда немедленно сняли указанные ворота, отвязали от воза с сеном длинную веревку, стащили ворота к Днепру, нашли бревна и подмостили их под ворота, привязав верёвкой. Разделись, вещи положили на плот и с ними посадили Тоню – больше плот выдержать не мог. Тоня плавать не умела. Мы же втроем поплыли, держась за плот и направляя его вразрез быстрому течению к другому берегу. Вода была теплая. Длинный шест в руках Тони не доставал до дна, было основательно глубоко. Наконец, плот подчалил к прибрежным кустам, к которым мы его и привязали. Ночь была очень темна. Я потерял хороший пояс с флягой, но искать его в такой темноте было невозможно.

Одевшись, мы быстро зашагали на СЗ по компасу и скоро достигли густого молодого леса, через который в темноте пробиваться было крайне трудно. На деревьях и траве лежала густая роса. Мы решили ждать света. И как только рассвело, пошли дальше, старясь держаться опушки леса. Места были очень безлюдные, сырые, болотистые, с кочками и озерцами. Попадались болотные ягоды – брусника, черника, и мы их ели на ходу. Потом начали встречаться покосы среди болот, послышалось мычание стада, людские голоса. Мы залегли среди густых кустов на опушке леса. Какая-то деревня была в полукилометре от нас. Тоня пошла на разведку и, вернувшись, сообщила, что близко железная дорога, которую нам нужно пересечь, чтобы выйти к магистрали Минск- Смоленск. Это здорово усложняло наше передвижение, так как железные дороги усиленно охранялись немцами.

Тоня заявила, что не желает идти дальше и проведет еще одну ночь здесь вместе с Сережкой, с которым она сошлась. Ей это можно было сделать, так как во время своих разведок она подкармливалась у крестьян и тайком приносила кое-что Сережке. Но мы с Орловым сильно страдали от голода и рисковали тем, что совершенно потеряем последний остаток сил. Вообще последние дни она вела себя нехорошо и ругалась самыми последними словами. Мы решили расстаться, и вечером я и Орлов пошли дальше вдвоем.

За лесом было небольшое озерцо, мы спугнули оттуда крякву. Дальше на бугре стояло два дома: один, похожий на сельскую школу, и рядом обычная хатка.

Около двери хатки стояли молодая женщина и худощавый старик – это были школьная учительница и сторож. Мы им рассказали, что идем из Ярцева, около которого идут сильные бои, и немцы угоняют все население в тыл. Мне кажется, что наши собеседники не поверили этому рассказу. Затем мы попросили дать нам что-нибудь покушать, но они сказали, что часа три назад заходила тоже какая-то беженка и съела все, что у них было. По их описанию это была Тоня.

Мы пошли дальше по сельской улице и просили продать нам за немецкие марки, которые были у Орлова, молоко и хлеб, но никто не хотел продать – все боялись. Наконец, одна женщина дала нам снятого молока и не захотела взять за него денег.

Присутствующий тут же мальчишка, увидав у меня в руках хорошую командирскую пилотку, предложил обменять ее на кепку. Для этого я должен был, проходя по улице кинуть ему около его дома пилотку, взамен которой он кинет мне кепку.

Мы торопились, ведь в любой момент могло появиться какое-нибудь начальство и арестовать нас. По дороге я получил кепку взамен пилотки. Отойдя на один-два километра, мы решили заночевать, чтобы ранним утром перейти через железную дорогу. Оказывается, Гусино было километров в 5 от нас на запад, следовательно, идя на север, мы пересечем трассу в районе столба № 242.

Ранним утром мы двинулись дальше и вскоре дошли до железной дороги.

Железнодорожное полотно было ограждено частично колючей проволокой. На линии виднелись ДОТы. Мы двинулись на некотором расстоянии от полотна, думая найти где-нибудь дальше удобный переход. Среди поля, недалеко от леса, через который шла железная дорога, мы сели, обсуждая свое положение. Дальше по линии железной дороги начиналась деревня, а в ней, конечно, немцы. Мы вытащили копию карты местности, сделанную Семеновским, и внимательно рассматривали ее. Вдруг мне показалось, что за нами кто-то есть. Я быстро обернулся и встретился глазами с молодой крестьянкой, наблюдавшей за нами. Она сейчас же стала уходить, я ее окликнул и задержал, расспрашивая, как можно перейти железную дорогу. Она сказала, что можно через деревню, но там немецкий караул, проверяющий у некоторых подозрительных документы. Но вот здесь, за этой полуразрушенной банькой, есть тропинка, по которой местные жители переходят сами через полотно и перегоняют скот.

Другого выхода не было. Сгорбившись и взявши в руки по посоху, мы, не торопясь, начали переход через железную дорогу и благополучно перешли через нее. Дальше шло болотце справа, и за ним лес на болоте, справа на бугре виднелась большая деревня. Мы начали с большим трудом пробираться по заболоченному лесу, перешли его и вышли на покосы около трассы Минск-Смоленск... Я завел разговор с косарем, перебравшимся недавно сюда с востока, расспрашивая его, где 242 километр, но он ничего не знал. По дороге ехали немецкие части в автомашинах и подозрительно смотрели на нас. В Гусино из деревни шла какая-то женщина, но она также не знала, где 242 километр. Я начал вглядываться, и метрах в ста увидел столб. Быстро подошел к нему и увидел цифру 242!!! Местность соответствовала описанию Семеновского, только лес за трассой лежал довольно далеко. На доске была отметка группы слесарей с Пищальниковым. Никаких условных камешков с записками под ними и палочек, указывающих направление, под столбом не было (это было условлено с Семеновским). Значит, его здесь не было, с ним что-то случилось.

Около столба за дорогой была густая трава и кустарники. Я сделал нашу условную отметку на доске – поставил буквы «Я» и «О», и мы залегли в густой траве около кустарника. Никто нас не ожидал. Мы решили после передышки идти дальше, но когда приподнялись, то увидели немецкий патруль человек из 8, идущий в том направлении, куда хотели идти и мы. Это нас остановило, и мы пролежали до вечера. Недалеко от нас по полю раза два проехали возы с сеном, но нас не заметили.

С наступлением сумерек мы отправились искать дом лесника, но найти его не могли. Здорово хотелось пить, и мы зашли в хату около леса и попросили пить. Но на нас посмотрели зверями и с питьем отказали. Недалеко от хаты мы напились из какого-то подозрительного болота. Среди ночи легли

спать в каком-то небольшом леске, а утром, обнаружив неподалеку деревню, углубились в болотистые небольшие поляны с группами деревьев среди них. Орлов мне сказал, что больше не имеет сил идти, и лег на землю. Я вблизи этого места нашел много черники и принес ему полную кружку ягод, а сам отправился на разведку. Неподалеку в лесу нашел дорогу, а на ней заготовки лесных материалов. Дальше я идти побоялся и, повернув назад, встретил деревенскую девушку. Она мне сказала, что лес очень небольшой, недалеко косят сено, а в деревне, отсюда совсем близко, стоят немцы. Никакого дома лесника она не знает, хотя и родилась в этих местах.

Возвращаясь к Орлову, я спугнул двух молодых тетеревов, сидевших на суке, и пожалел, что со мной нет охотничьего ружья – я мог бы сразу насытить и себя, и Орлова...

Положение создавалось скверное, а главное – не хватало сил от голода. Мы решили все еще поискать дом лесника, может быть он тут, где-то рядом...

Под вечер мы опять вернулись к деревне и начали искать отдельный дом около опушки леса, как говорил Семеновский. Вдруг я заметил две фигуры. Мы спрятались. Фигуры приблизились, и оказалось, что это Тоня и Сережка. Мы взаимно очень обрадовались. Я даже сделал попытку испечь картофель, но мы боялись, чтобы костер нас не выдал – от него было много дыма. И картофель, очень маленькая, осталась сырой. Тоня, оказывается, ходила на разведку в деревню и узнала, что тут недавно были партизаны, но где они сейчас – неизвестно. Кругом много немцев. Дома лесника нет и не было.

Выход был один: идти на СВ и переходить через фронт, линия которого была сильно заминирована. Тоня принесла горшок молока, которое мы жадно выпили. И следующим вечером мы пошли по компасу, на север, через почти непроходимые болота, заваленные лесным полусгнившим ломом. Мы шли и шли. За болотом был густой лес с сильно заросшими травой полянками. Затем вышли на заросшие развалины деревни. Мне очень хотелось здесь устроить дневку, но мои спутники настаивали на движении вперед. Встречались какие-то странные, свежепротоптанные в густой траве дорожки, как будто прокатилось очень широкое колесо по густой траве. Несмотря на безлюдье, чувствовалось, что кто-то здесь бывает тайком.

За этой деревней были какие-то искусственные дорожки и молодые посадки сосны, затем полуразбитая узкоколейка, за которой мы и легли отдыхать.

Но отдых был недолговременным, начинался дождь. У меня была защищавшая меня плащ-палатка, но мои спутники не были защищены, и под дождем лучше идти, чем лежать, поэтому мы поднялись и пошли. Идти узкоколейкой нам было по пути, и она довольно быстро привела нас к торфоразработкам. В двух местах с края обширного пространства с деревьями шел дымок от тлеющего торфа. В расстоянии около двух километров виднелись рабочие бараки, над ними вился дымок. Место было опасное, нас легко могли заметить на этом открытом пространстве, но обходить его было

чересчур далеко, и мы начали быстро двигаться через торфоразработки. При этом мы с Орловым два раза теряли наших спутников и потом опять их находили. Наконец, мы сошлись на запущенной железнодорожной насыпи, ведущей в лес. На склоне насыпи росла в изобилии малина, и мы ее жадно ели, но ее все же было мало – видно было, что кто-то ее обирает.

Через насыпь мы попали в невысокий лес и пошли лесной дорогой. Вдруг невдалеке слышались людские голоса и скрип телеги, и мы поспешили укрыться в густую посадку хвойных деревьев. Близко слышались голоса деревни. Ходу нам дальше не было – лес кончался, и впереди шло открытое пространство со строениями и людьми. Мы поневоле должны были дневать здесь.

Голод нестерпимо мучил, стоило только задремать, как сейчас же чудились пищевые продукты, мучительно близкие и в то же время недоступные. Мозг постоянно думал о пище и больше ни о чем. Этот кошмар прекращался только при движении, но сил оставалось очень мало, каждый шаг давался с трудом.

Вечером мы двинулись дальше. По нашим расчетам, до фронта было еще очень далеко, и для меня стало ясным, что при таком физическом состоянии до него мы с Орловым не дойдем. Нужно было найти пищу во что бы то ни стало. Среди ночи подошли к линии железной дороги, идущей от Смоленска в Витебск. Дорога усиленно охранялась. Через короткие промежутки времени поднимали кверху осветительные ракеты, и нам приходилось ложиться на землю, чтобы не быть замеченными. Попытка перехода ночью была весьма рискованная, и мы решили дожидаться утра. Сухого места не было, все пространство около дороги было заболочено. Найдя какие-то бугорки, мы легли. Под нами выступала вода, было прохладно, но все же удалось задремать.

На рассвете мы поднялись, и я заявил товарищам, что больше им не попутчик, так как силы нет, двигаться дальше не могу, сделаю попытку достать пищу в ближайшем селе. Орлов присоединился ко мне, и мы расстались – в предрассветном тумане от нас ушли чуть заметные фигуры Тони и Сергея.

Недалеко от места нашей ночевки шло хорошо асфальтированное шоссе, и мы двинулись вдоль него. Километрах в двух на шоссе выходила большая деревня. Пройдя хаты 3-4, мы зашли в следующую хату, больше других, со скотными сараями. Хозяйка встретила нас неприветливо и заявила, что ничего не имеет. Дальше мы начали просить подряд без выбора, и всюду нам отказывали. Выходя из четвертой хаты, мы столкнулись с вооруженным полицейским, одетым в немецкую форму. Он, конечно, поджидал нас, встреча не была случайной, ему о нас сообщили наши любезные землячки, отказавшие нам в еде. Полицейский потребовал от нас документы, конечно, немецкие, и, конечно, их у нас не было. Тогда он повел нас к бургомистру.

Эта деревня оказалась селом Голынки с железнодорожной станцией того же названия. Здесь же был и немецкий комендант, вообще пункт был крупный. Ожидая прихода бургомистра, мы узнали, что рядом имеется амбулатория с платным приемом. У женщины, охраняющей эту амбулаторию, было какое-то плохое кислое снятое молоко, и Орлов заплатил ей 35 марок за две кружки этого молока, которое мы с жадностью выпили. Наконец, пришел бургомистр, среднего роста плотный мужчина лет 38-40. За поясом у него висел в кобуре револьвер. Он хорошо говорил по-русски, культурным языком, и, как мы потом узнали, хорошо говорил по-немецки.

На его расспросы, кто мы и откуда, мы с Орловым, не скрывая истины и не говоря о других наших спутниках, сказали, что мы бежали из Смоленского лазарета и думали перейти через фронт. Он был очень изумлен нашим рассказом и тем, что мы в своих скитаниях не встречали партизан. Ему импонировало то, что один из нас был профессор, а другой врач. Он был с нами очень любезен и рассказал, что русские имеют успех под Орлом, и немцы отступают. Он спросил нас, что мы теперь желаем, на что мы ему ответили, что единственное наше желание – это перебраться через фронт к своим, на что он ответил, что должен отвести нас к немецкому коменданту, причем он приложит все усилия, ходатайствуя за нас в отношении облегчения нашей участи.

Приведя нас к коменданту, дом которого был расположен около железнодорожной станции, бургомистр оставил нас снаружи под надзором часового, а сам пошел говорить с комендантом. Мы его ждали довольно долго, и, наконец, вышел комендант с переводчиком и бургомистр.

Комендант также расспросил нас, кто мы, откуда бежали и с какой целью. Я не знаю, как ему переводили наши ответы переводчик и бургомистр, но этот выхоленный, хорошо одетый немец сказал, что он считает причиной нашего бегства недостаточно хорошее отношение к нам немецкого командования, что ему не понятно, почему нас держали все время за проволокой и что нас следовало бы давно выпустить из лагеря на частные квартиры и дать нам возможность заниматься частной практикой, обслуживать население и проч., тем более, что в лагере, конечно, с питанием было неудовлетворительно (последнее мы ему в нашем ответе подтвердили). Он нам сказал, что теперь, безусловно, мы будем существовать именно в частных квартирах и ни в коем случае нас не отправят за проволоку, конечно, при том условии, что мы не будем думать о бегстве. На последнее мы ответили несколько уклончиво, а именно, что после таких тяжелых условий нашего неудавшегося побега, у нас сейчас не может быть никаких мыслей о повторении такового (мы, действительно, от истощения еле могли двигаться).

В заключение комендант добавил, что у него здесь в Голынках нет для нас подходящей работы, но он нас отошлет в Рудню, где нам такую работу дадут. После этого он распорядился дать нам поесть. Дали кофе, серый хлеб со студенистой массой, похожей на фруктовый мармелад без сахара.

Как только надзор за нами несколько ослаб, мы с Орловым поделились своими соображениями. Все как будто складывалось в нашу пользу: 1) Рудня была ближе к фронту, чем Голынки, Рудня была несколько северо-западнее, и [с] севера фронт в этом месте приближался; 2) будучи вне лагеря, мы в любой момент сможем удрать; 3) будучи вне лагеря, мы можем завязать связь с партизанами, которые в этом районе, безусловно, были, и их боялись немцы и полиция; 4) будучи на частных квартирах, мы, безусловно, подкормимся, что даст нам возможность легко перенести даже трудные переходы при нашем повторном бегстве.

Вскоре за нами пришел переводчик и немецкий офицер, нас посадили в пассажирский вагон заграничного типа с входом в каждое купе снаружи. Сопровождал нас немецкий офицер.

В поезде ехали, главным образом, военные немцы, но было некоторое число и штатских немцев, и русских.

Поезд довольно долго стоял в Голынках. За время его стоянки с востока подошел санитарный поезд, плотно наполненный тяжелоранеными лежащими немцами. Нам это хорошо было видно через окна. Койки для раненых были расположены одна над другой с максимальным использованием мест. Это на нас также произвело положительное впечатление – значит, крепко наши жмут на фронте.

Я забыл упомянуть, что после разговора с нами к немецкому коменданту Голынок пришло двое сельских – староста и агроном, – которые просили несколько задержать минирование полосы вдоль железной дороги до окончательной уборки урожая. Комендант на это согласился, только поставил очень короткий срок и при этом видимо волновался. Эти приготовления, опять-таки, указывали на некоторую слабость немцев, которые, очевидно, не исключали возможности успешного наступления русских и их появления в этих местах, а если это так, то нам возможно будет запрягаться в какую-нибудь щель и дожидаться прихода своих.

Наконец, поезд тронулся. Шел он очень медленно, несомненно опасаясь возможного минирования полотна со стороны партизан.

Приехав в Рудню, сопровождавший нас офицер отвел нас в фельдкомендатуру и долго и довольно горячо беседовал с комендантом. В конце концов он раздраженно махнул рукой и ушел. Больше мы его не видали.

Руднянский комендант выделил для нас конвой, конвоир остановил одну из проезжавших грузовых машин, усадил нас в нее, и мы отъехали от Рудни километров на 5 на север по шоссе. При проезде нам встречались значительные группы гражданского населения под охраной немцев, исправлявшего шоссе дорогу.

Нас высадили и повели влево от шоссе по проселочной дороге среди еще несжатых хлебов. Вскоре в ложбине мы увидели хорошо нам знакомую картину – наблюдательные вышки, три линии проволоки и ворота с часовыми.

Вместо частных квартир, нас привели в лагерь для военнопленных в дер. Переволочье.

Перед нашим окончательным поселением в лагере нам учинил основательный допрос переводчик-немец, одетый в военную форму. Звали его Иван Иванович, он до 1921 года около 20 лет жил на Украине, ездил как коммивояжер, рекламируя товары различных фирм, женился на русской, которая во время гражданской войны умерла. В 1921 году он уехал в Германию, откуда до войны не уезжал.

Он пытался нас агитировать в пользу немцев, говоря, что русские смотрят на своих попавших в плен, хуже, чем на собак, и, если случайно кто-нибудь возвращается, то он попадает в лагерь ГПУ (он знал только старое название), откуда возврата нет. Все теряют гражданские права. Конвенции о военнопленных русских, в лице их представительницы в Швеции Коллонтай, подписывать не хотят, отказались от них совсем и проч., и проч.

Орлов с ним горячо спорил, я считал, что на спор не надо тратить своего запаса сил.

Наконец, нас отвели в отдельно стоящую на краю лагеря хатку, отделенную от лагеря проволокой и имеющую особо внимательную охрану. Общаться с другими обитателями лагеря нам было воспрещено, но несмотря на это, к нам ходило довольно много народа под видом ремонтных рабочих, несколько утеплявших эту ветхую хату перед наступлением холодного времени. Они жадно расспрашивали нас о бегстве, и все были крайне поражены, что мы за 13 дней не встретили партизан. От них мы узнали, что недалеко от лагеря оперируют партизанские отряды, и недавно несколько человек убежало через водосточную канаву, которую теперь также преградили решеткой. После этого бегства было нападение на немцев из лагеря, которые вместе с полицейскими и военнопленными выехали на двух машинах за дровами. При этом нападении несколько человек было убито и разбита одна машина. Среди нападавших партизан был один из бывших военнопленных, бежавший недавно через водосточную канаву.

Все это было бы весьма утешительно, если бы нам представилась хотя какая-нибудь возможность бежать, а таковой при создавшемся положении не предвиделось. Кормили нас совершенно недостаточно, у меня начались обычные неполадки с желудком, которые я раньше наблюдал в лагере в Смоленске у истощенных, кандидатов в покойники. Отек ног все увеличивался.

Время от времени при обходе лагеря к нам заходил комендант лагеря, иногда один, иногда в сопровождении немецкого врача. При этом всегда присутствовал и старый переводчик. Затем заходил переводчик и занес все данные о нас на особые регистрационные карты. Орлов все с ним спорил на политические темы, я старался уклониться от этих споров – разве можно было переубедить старого матерого фашиста-немца?

При первой попытке пройти к водяному насосу, расположенному вне зоны нашего специального заключения, нас чуть не пристрелил наблюдающий из будки полицей. Затем нам официально было разрешено умываться по утрам.

Такое безрадостное существование тянулось день за днем. Немного только ободрял иногда доносившийся до нас далекий гул фронтовых орудий...

Недели через две к нам зашел комендант в сопровождении врача и переводчика, и последний объяснил нам, чтобы мы готовились к переходу на жизнь в санчасть лагеря. Предварительно нас провели через санпропускник и затем отвели к врачам, находящимся в санчасти.

Здесь было 5 врачей:

- Олейников из Средней Азии, бывший компаньон Папанина при посещении последним в гражданскую войну крымских партизан.

- Пестяков – врач-терапевт одной из московских больниц.

- Сумароков – молодой московский врач.

Эта тройка считалась в штатах лагеря. Кроме того, было еще два молодых врача – Седов и Шилов.

Приняли нас хорошо и накормили вкусным обедом, с мясом, которого мы давно уже не пробовали.

Разместили нас четверых, не числящихся в штатах лагеря, в отдельном маленьком домике. Штатная тройка продолжала жить обособленно, питаясь отдельно от нас. У них были недоступные для нас возможности: платный прием больного населения. Плата натурой. Продажа (мена) населению украденного из пропускника белья и одежды. Кроме того, от них ходил имеющий свободный пропуск фельдшер, который снабжал за определенную мзду больных среди населения медикаментами из лагерного запаса. Контроль немцев в отношении белья, одежды и медикаментов был слаб.

Эта тройка каждый день имела молоко, мясо и проч., часто выпивала допьяна. Нам они уделяли небольшое количество картофеля, который мы сами варили и скупно делили по утрам. По существу, мы опять оказались на весьма голодном пайке.

Седов и Шилов много спали, и этим сохраняли свою энергию. Мы с Орловым так много спать не могли. Утешительно было то, что мы не мерзли, из запасов санчасти нам выдали по два теплых одеяла.

В лагере, кроме военнопленных, находилось еще некоторое количество гражданского населения – родственники партизан, учительницы, которых подозревали в сношениях с партизанами, и др. Это-то население лагеря мы и видели на работах по исправлению шоссе.

В санчасти было три девушки-фельдшера. Но к ним часто ходили в гости немцы, и мы чувствовали к ним большое недоверие.

Мысль о бегстве все чаще жгла нас, но бежать здесь было труднее, чем в Смоленске.

Мы были люди новые, лагерного населения не знали – кто чем дышит, кому можно верить. Никакой лазейки не было, охрана была очень бдительна, каждые два часа часовые сменялись. К тройному ряду проволоки, окружающей лагерь, незамеченным можно было подойти только в одном месте – около хатки, где содержалось гражданское население. Но здесь был постоянный охранный пост.

Я часто выходил из дома по ночам, стараясь войти в курс ночной жизни, найти какие-либо слабые стороны охраны лагеря, но таковых не находил. Всегда ходили вдоль проволоки часовые близко друг от друга и часто перекликались. Все это мне крепко не нравилось.

Я и Орлов, мы оба, продолжали вести агитацию побега среди врачей. Мы говорили, что вот мы – старики – и то имели силы и мужество бежать из Смоленска, это наше несчастье, что мы не встретили партизан, а здесь, наверное, есть партизаны. И стыдно вести такой шкурный, трусливый образ жизни, ничего не предпринимая.

Врачи отмалчивались, но не выдавали и не протестовали.

Девушки военнопленные из медчасти сами как-то заговорили о необходимости побега. Они просили меня включить и их в число желающих бежать и уведомить о бегстве своевременно. Но мы им не верили – чересчур уж они были близки с немцами. Мы старались избегать разговоров с ними, в особенности на темы о бегстве. Я говорил им, что это, вообще говоря, невозможно.

Однажды вечером ко мне подошел врач Сумароков и тихо спросил, побегу ли я с ними. Я сказал, что мой ответ всегда может быть только положительным. Тогда он спросил, а как же я пойду, когда у меня отекают ноги? Я рассмеялся и сказал, что я – лучший ходок, чем кто-либо из них, а если мне будет плохо, то они просто оставят меня одного где-нибудь в лесу, а сами пойдут дальше. Одним словом, обо мне беспокоиться нечего.

Вскоре я был посвящен в план бегства. Он состоял в следующем: в лагере имелся переводчик с немецкой фамилией, он за последнее время часто ходил к нам и делился всеми новостями, какие только ему удавалось узнать из газет или по слухам. Он оказался вовсе не немцем, а чистым украинцем, который когда-то закончил немецкую школу, и потому свободно говорил по-немецки. Немецкую фамилию он себе присвоил, чтобы у немцев не было в отношении его какого-либо подозрения.

Этот переводчик сагитировал молодого парня, украинца-полицейского. Подсчитали дни и высчитали, что этот парень будет стоять на охране лагеря от 22 до 24 часов 28/VIII 1943 г. как раз за хаткой, к которой можно было незаметно подойти. Он даст возможность подрезать проволоку.

Сумароков предполагал взять с собой двух девушек-учительниц из местных сел, которые знали, где можно искать партизан.

День 28 августа приближался и, наконец, наступил. Нам как будто все благоприятствовало. К немцам приехали какие-то гости из других частей, и

они начали выпивать и веселиться. Небо хмурилось, приближалась гроза. Стемнело быстро и сильно. Вооружившись ножницами для удаления гипсовых повязок (на этих ножницах было приспособление для резки проволоки), Сумароков и Шилов в темноте поползли к намеченному пункту и бесшумно скрылись.

Накрапывал мелкий дождик, сверкали молнии, слышался далекий гром. Один за другим мы проскальзывали в открытую для нашего бегства дверь безлюдного санпропускника, пройдя через который, из другой двери можно было выйти ближе к нужному нам пункту, минуя один ряд внутреннего проволочного заграждения.

В пропускнике было очень темно, входили незнакомые мне люди. Одного я узнал. Это был врач Пестяков с каким-то свертком в руках. Он очень боялся создавшегося положения и при каждом шуме буквально трепетал.

Мы все сгруппировались у выходной двери. У переводчика была в руках винтовка, выкраденная у охраны. Ждать долго было опасно. Быстро в темноту скользнуло двое, за ними я и за мной – Орлов.

Мы бежали быстро, нагнувшись насколько возможно, и добежали до проволочных внутрилагерных ворот, которые предупредительно были открыты для нас. Отсюда мы ползком добрались до домика и внезапно услышали рядом немецкую речь. На наше счастье, около домика была выкопана траншея-бомбоубежище, куда мы и свалились один за другим. Еще бы секунда, и нас бы заметили – по ту сторону шел немецкий обход с ручными электрическими фонариками. Они были навеселе, громко разговаривали и смеялись, но вскоре обратили внимание на растерянный вид полицейского-украинца, который должен был выпустить нас. Он был потому растерян, что проволока внизу уже была перерезана, что можно было заметить, внимательно взглядевшись. Но немцы этого не сообразили, они думали, что он боится наступающей грозы, а один из немцев сделал предположение, что полицейский занимался флиртом через проволоку с заключенными в домике женщинами из гражданского населения..., посмеялись немцы, посветили немного на проволоку фонариками и пошли дальше, а мы один за другим полезли под проволокой. Проволоки подрезано было немного, проползать было трудно, спина цеплялась за верхний ряд, полицейский старался приподымать этот ряд как можно выше и при этом шепотом ругался последними словами... Натянутая проволока звенела, когда ее задевали.

Вот мы все благополучно пролезли и отбежали к близко стоящей хате, у которой и столпились. Не было с нами Сумарокова, Шилова и Пестякова, а также тех двух девушек, которые должны были указать нам место пребывания партизан. Мы осторожно окликнули в нескольких местах по имени отсутствующих, но никто не отзывался. Полицейский, рискуя, тоже поджидал их прихода на своем посту, он потом сообщил нам, что молодые врачи прошли первыми, а девушек и Пестякова не было.

В домах охраны блеснул свет, слышались пьяные немецкие возгласы, по линии проволочных рядов, окружающих лагерь, вспыхивали огоньки от ручных электрических фонариков, и перекликалась охрана.

Внезапно вблизи показалась фигура бегущего полицейского, который громким шепотом сообщил нам, что подходит проверка – патруль, он оставил свой пост, и сейчас за ним могут прибежать полицейские. Ждать дальше мы не могли и быстро начали уходить, причем одна половина пошла за Олейниковым прямо от лагеря, а другая, в том числе и я, – за переводчиком на гору (лагерь лежал в ложбине), правой дорожкой. Шли мы очень быстро, насколько позволяла сильная темнота, и вскоре вышли на гору. Здесь мы остановились и сообразили, что вторая наша половина партии для нас утеряна, а у них были какие-то данные относительно местопребывания партизан.

В нашей группе были следующие лица: переводчик, полицейский (выпустивший нас), врач Седов, неизвестный мне работник лагерного пищеблока, Орлов и я. Но где же нам искать остальных товарищей по бегству?

Я поддал мысль, что, быть может, они придут в полуразрушенный домик, стоящий на горе, и переводчик подтвердил, что этот домик был в плане бегства вначале намечен как сборный пункт. Надо было идти одним. Переводчик сказал, что он знает дорогу к тем местам, где партизаны напали на партию из лагеря, выехавшую на лесозаготовки.

Мы, следуя за ним, прошли через пашню и вышли на укатанную дорогу, которой и пошли дальше. Отойдя около 2-х километров, мы свернули в сторону вдоль довольно длинного озера. Некоторые захотели напиться. В это время за озером из лежавшей там какой-то деревни раздалась пулеметная очередь и было выпущено несколько трассирующих красных пуль, а затем взвились три ракеты, одна за другой.

Мы легли на землю. Почему такая тревога? Надо полагать, что ищут нас.

Как только опять наступил мрак, мы быстро зашагали от озера, прошли немного по какой-то дороге, затем свернули в сторону, попали в заболоченное место, затем в мелкий лесок. Дождь пошел сильнее, идти в такой полной темноте не было никакой возможности – в одном шаге ничего не было видно.

Мы сели на землю. Меня спасала моя плащ-палатка, другие здорово мокли. Сидели долго, наконец начало светать. Недалеко была деревня, мы были на дороге среди мелкого леса.

Почти бегом мы вышли из леса и пошли на северо-запад. Среди равнины шли гряды холмов, покрытых лесом, местами под холмами были небольшие озерца. Лес был негустой, местами [шли] попутные тропинки. В одном месте на густой траве был след, крепко утопанный, шириной около 0,5 метров, недавно проложенный – уж не партизаны ли его проложили?

Занимался день. Надо было выбирать на день укромное место. Перешли мостик через мелкую речку, обошли какую-то деревню и начали углубляться в большой сосновый лес. Проходя мимо строений, увидели какого-то человека, но не немца. Признак нехороший, значит, и он нас видел...

В лесу было холодно, одежда была мокрая. Несмотря на мои и Орлова предупреждения, развели костер и просушились. Загасили костер и легли отдыхать. День разошелся, показалось солнце.

Мы выползли на опушку леса погреться на солнышке. На обширное пространство, окруженное лесом и покрытое какими-то разросшимися, одичавшими травами, приехало несколько возов за сеном, с возами было несколько малых ребятишек, но они боялись углубиться в лес.

По другую сторону леса время от времени раздавались выстрелы, мы потом по ряду признаков решили, что это – стоянка полицейского поста. Но никто оттуда не пришел за весь этот день.

Начало смеркаться, мы двинулись дальше. Прошли благополучно мимо поста, оттуда временами раздавался собачий лай, и пошли полями.

Было очень обидно, что имея все данные для организации толкового побега и нахождения партизан, все это не было сделано как следует, и мы шли вслепую, как и при первом побеге.

По дороге набрали на поле картофеля, надеясь его сварить. Седов очень быстро уставал, но все же он вел всех нас, имея на руках компас и консультируясь с переводчиком. Под утро он наотрез отказался идти дальше, и мы решили пару часов вздремнуть. Земля была чертовски холодная, нашли какие-то крохи соломы, но это не согревало. Несмотря на холод, некоторые захрапели, но эта ночевка была совершенно неприемлема. Мы опять поднялись, чтобы в ходьбе хоть немного согреться, и меньше, чем в 200 метрах, нашли стог сена, в который и зарылись, и вовремя – начался дождь. В сене было тепло, и удалось чуть-чуть вздремнуть.

Во время нашего неудачного привала без сена – невдалеке от нас, очевидно, был какой-то населенный пункт – близко слышалась стрельба из автомата, чем обычно занимаются немецкие часовые (а также русские полицейские, служащие у немцев). Когда мы лежали в копне сена, эти очереди слышались значительно дальше.

Начало светать, надо было покидать наш теплый приют. Мы опять углубились в лес и невдалеке, в овраге зажгли костер и начали чистить картошку, как вдруг по деревьям защелкали пули от автоматной очереди – несомненно, стреляли по дыму от нашего костра.

Мы быстро собрали картофель и начали уходить, но идти было некуда, лес кончался, через луговую низину начинался другой лесок. В низине стояло строение – деревянная запущенная баня без окон. Мы забрались в нее и посидели около часа, затем перешли в другой лесок и развели там огонь. Картофель уже была почищена, и первая порция в котелке быстро была готова. Эту порцию получил я и Орлов. Начали варить вторую порцию – опять то же – автоматическая очередь по нашему костру... Мы схватились и начали уходить, но куда? Прощмыгнули опушкой, идя обратно, миновали баньку и легли в купках невысоких кустарников.

Не прошло и полчаса, как послышались женские голоса, и в поле нашего зрения показались две женщины. Мы решили задержать их и расспросить. Они крепко испугались. Мы ничего не скрывали, и женщина постарше, наконец, решила поверить нам. Они рассказали, что в этих местах, действительно, оперируют партизаны, что их можно найти в лесу около бывшего колхоза им. «МОПР»а и указала нам направление.

Недалеко от нашего местопребывания была большая деревня, мимо которой нам следовало пройти.

Дождавшись до вечерних сумерек, мы опять двинулись в путь. На опушке леса около деревни услышали мужские голоса, переждали и пошли дальше. Прошли за деревню и послали меня и работника пищеблока на разведку в крайнюю хату.

Там мы нашли женщину средних лет, которая дала нам кусок хлеба и указала путь к колхозу МОПРа, куда было не более 5 километров.

Прошли мы 5 километров и даже более – никакого МОПРа нет... Вернулись обратно, и двое других пошли расспросить о дороге.

Вернулись они с такими новостями: молодая женщина, в дом которой они зашли, очень хорошо отнеслась к ним. Она сказала, чтобы мы ни в коем случае не шли в МОПР, так как туда направился значительный отряд немцев и власовцев для засады на партизан. Идти туда – верная смерть. Хорошо, что мы не нашли дороги...

Она советовала вернуться несколько назад, в деревню Маташево, и при этом уверенно сказала, что мы там встретим партизан.

Вот мыдвигаемся в Маташево, сбиваемся с дороги, опять находим ее. Вот деревня. Двое заходят на разведку в ближайшую хату, а выходят из хаты шестеро, из которых четверо с автоматами...

Мои спутники прыснули в кусты. Я же остался на месте в твердой уверенности, что это – партизаны. Действительно, это были свои ребята!!! Разведка первого отряда 14-ой партизанской бригады Вишнева, а командовал разведкой Першиков – замечательный парень!

Они встретили нас как родных и обещали доставить в бригаду к Вишневу не позже, чем через 1-2 суток. Наконец-то нам повезло!

После того, как эти ребята крепко пожали нам руки, Першиков спросил, не нагуляли ли мы аппетит за время нашего путешествия, и, получив утвердительный ответ, так как мы были голодны как звери, развел нас по ближайшим хатам, приказав хозяевам срочно нас накормить, что те и выполнили за счет молочных продуктов и хлеба.

Это село было партизанское, т.к. из него многие ушли в партизаны, и население было свое, без предателей.

После кормежки он вывел нас из деревни и привел к большому дубу, стоящему несколько в стороне от дороги и окруженному кустами. Отсюда удобно можно было наблюдать за окрестностями, и это место служило

явочным пунктом для партизан 1-го отряда. Здесь надо было подождать до вечера, а вечером присоединиться к отряду.

Время проходило в рассказах о недавних приключениях, которых у Першикова и др. партизан было больше, чем у нас. Седов вытащил хорошие игральные карты, захваченные из лагеря, и молодые люди с увлечением начали играть в дурака.

Вдруг кусты раздвинулись, и показалось перепуганное лицо крестьянина. «Что вы делаете, - громким шепотом сказал он, - сюда подходят власовцы, их не менее 60 человек, с ними пулеметы!»! Першиков сейчас же выполз из кустов на разведку и, убедившись в справедливости сказанного, сказал нам нагнуться и быстро следовать за ним.

Незаметной ложбиной он провел нас к опушке небольшого, но густого леса, с краю которого была довольно высокая горка, обросшая деревьями. На ее вершину мы и забрались. Отсюда нам было все видно, а нас не заметно.

Игра в карты продолжалась, Першиков все время проигрывал, но не сердился. Он много рассказывал о взрывах немецких поездов, которые он проделывал не раз. За леском, по шоссе временами проносились немецкие автомашины и мотоциклы, стук клапанов которых нам был хорошо слышен. Першиков был вполне спокоен, и его спокойствие передавалось нам.

Часа через три он опять вывел нас к тому же дубу и усадил. Подходили новые партизаны и знакомились с нами. Нас еще подкормили хлебом с маслом, принесли двух овец на ужин. Народ менялся, одни приходили, другие уходили. Разведка показала, что власовцы ушли далеко. Партизаны рассказывали, что власовцы ведут разговоры о сдаче с оружием в руках, но дальше разговоров это дело не двигается, и верить им нельзя.

Мы, в свою очередь, рассказали Першикову, что в этих местах должна быть вторая половина беглецов из лагеря, и он сейчас же принял меры к их розыску, давши соответствующие указания нескольким партизанам. Он уверял, что к вечеру их партизаны найдут, он был в этом уверен.

Еще засветло он привел нас к стоянке отряда, которым командовал комиссар бригады, очень толковый человек лет 30-33-х, бывший шофер. Здесь нас угостили очень сытным обедом с большим количеством баранины. Комиссар предупредил, чтобы мы были осторожны, чтобы не расстроить своего пищеварения, но мы не ели, а просто жрали – ведь столько времени мы не видели сытной пищи! Нехороших последствий не было.

Ночью партизаны привели нашу вторую партию бежавших, но с ними не было ни Сумарокова, ни Шилова. Об этом мы также сказали партизанам.

На рассвете мы тронулись в путь в направлении штаба бригады. Вышли из леса долиной, травами, растянувшись гуськом. Не успели мы пройти и километра, как на месте нашей ночной стоянки раздалась пулеметная стрельба – это немецкие прихвостни или сами немцы обстреливали остатки наших костров.

За нами на траве остался ясный след – свежая тропинка смятой травы – ведь во время нашего первого бегства, да и во время второго мы видели такие тропки – это, должно быть, был партизанский след, недаром меня так тянуло пойти по ним! Но вели нас так, что только опытный следопыт мог бы проследить – мы сворачивали на другие тропинки, которых было немало.

Часа через три пришли в сосновый лес, на опушке которого было несколько подобий шалашей, прикрытых сверху от дождя очень широкими полосами коры. Здесь некоторое время назад стоял штаб бригады, но его немцы обнаружили и пытались захватить врасплох. Но им этого не удалось, и они потеряли несколько человек убитыми. Штаб перешел в другое место.

Здесь мы устроили дневку и вечером уже расположились на ночлег, как пришел разведчик и раздалась команда собираться для ухода. Об этом было сказано и Седову, который ответил «сейчас» и повернулся на другой бок. Когда мы собрались, его не было, и я сказал Олейникову, его компаньону по шалашу, чтобы он его немедленно привел. Олейников же возразил, что Седов укладывает вещи и сейчас будет, беспокоиться нечего. Затем начался быстрый переход в сумерках. На ходу пили какую-то болотную плохую воду, некоторые через платок, чтобы не наглотаться ряски.

Наконец, вышли на широкую тропу – след бригады. Затем попали в густой лесок на горке среди равнины, в которой горел костер партизанских разведчиков. Мы их захватили и пошли дальше.

Затем вошли в большую деревню и, пройдя ее, попали в систему небольших густых молодых лесков, в одном из которых и стоял штаб бригады. Было уже поздно, командование бригады приказало нам заночевать. Спать было холодно, земля была голая.

Засыпая, я слышал, что партизаны говорили о нашей партии беглецов, что эта партия очень нехорошая. Почему?

Утром нам на 12 человек выдали две бараньих туши и мешок картошки. Дали и котел для варки. Предупредили, чтобы мы жгли только сухой орешник, которого было довольно много, так как он вымерз в зиму 1941-1942 гг. От него не было дыма.

Я принял участие в приготовлении еды. Нас одного за другим вызывали на расспросы в штаб. Вызвали и меня. Расспрашивали трое – командир бригады Вишнев, комиссар (только другой, недавно переведенный в бригаду) и начальник штаба бригады. Расспрашивали подробно, но по-дружески. Особенно много вопросов было о двух полицейских, бежавших вместе с нами. Я даже не знал, что со второй партией, с Олейниковым, бежал еще один полицейский.

Затем мы сели есть. Обед был готов и был очень вкусным. Рядом со мной сел тот полицейский, о котором было много вопросов в штабе. Это был среднего роста, очень хорошо упитанный и хорошо одетый молодой человек лет 25-28. И все вещи у него были отличные. Ели мы все из одного котелка, так как тарелок у партизан нет.

Не успели мы начать еду, как сзади полицейского появилось двое партизан с автоматами и сказали ему, что он арестован и пусть сдаст все вещи, которые имеются у него в карманах. После этого они повели его в штаб, а минуты через две посланный из штаба приказал нам всем прервать еду и следовать за ним.

Нас выстроили на полянке, перед нами поставили полицейского со связанными сзади руками и прочли смертный приговор. Он обвинялся в том, что поступил на службу к немцам, и, будучи до лагеря в Переволочьи, в другом [лагере?], более восточно-расположенном (в Сычевке), выполнял обязанности палача в отношении русских военнопленных. Оказывается, его опознали некоторые из партизан, и он не отрицал ни одного пункта обвинения. Он только успел крикнуть: «Я хочу искупить свою вину!», его повернули к нам спиной, и в тот же момент в упор выстрелил ему в затылок арестовавший его партизан. Выстрелил он из 10-зарядной винтовки особым беззвучным патроном так, что раздался громкий лязг затвора, и полицейский свалился как сноп.

К вечеру этого дня нас, врачей, распределили по трем отрядам бригады, меня – во II отряд, Орлова – в I и Олейникова – в III. Всех молодых, в том числе и врача Седова, оставили при I-ом отряде, и они присоединились к группе Першикова (Седов явился к вечеру очень сердитый на своего компаньона Олейникова. Оказывается, Седов по привычке к длительному и частому сну в то время, как мы собирались накануне выходить в ночной поход, крепко заснул и проснулся только утром в полном одиночестве. На его счастье каких-то, два партизана заглянули днем в эти места и привели его в штаб бригады).

У меня началось довольно скучное существование – этот второй отряд состоял главным образом из людей местного происхождения. Они отлично знали местность, но были бездеятельны, боясь опасности и активных действий. С некоторыми из них были жены. Командир жил в палатке с женой, которая в скором времени должна была стать матерью. При отряде была одна реквизированная корова, молоко от которой шло на питание командиру отряда и его жене.

Все отряды стояли в непосредственной близости друг от друга. Они завели поразительную грязь не только кругом своей стоянки, но и в самой стоянке. В этом отношении особенно отличался второй отряд – все отбросы, начиная с овечьих ног и голов, которые они выбрасывали тут же, среди стоянки, начинали портиться и издавать зловоние. За своей нуждой им также было лень уйти подальше. Я начал с этим борьбу, но не мог добиться каких-либо больших сдвигов.

Днем отсыпались, ночью шли в караулы, на разведку, на задания, для сбора продовольствия в окрестных селах. Все это партизаны II отряда выполняли с успехом, но, когда им дали задание взорвать воинский эшелон, они его не выполнили.

Отряд № 1 отличался от отряда № 2 – в нем было много красноармейцев, бежавших из плена или спрятавшихся в лесах при окружении. Они действовали значительно увереннее и смелее. Например, Першиков с нашими молодыми ребятами взорвал немецкий эшелон дня через 3-4 после нашего прибытия в штаб бригады.

Об этом деле так рассказывал бывший переводчик. Ночью они с большими предосторожностями медленно подползли к линии железной дороги. Линия крепко охранялась. Первое, на что они наткнулись – это был ствол пулемета, торчавший из отверстия (амбразуры) ДОТа. От него они поспешили отползти и вскоре услышали немецкую речь – вдоль линии шел патруль. По временам зажигались осветительные ракеты, от которых немедленно следовало спрятаться.

Навстречу патрулю, вдали, показались огни паровоза того эшелона, который следовало взорвать. Першиков дал пройти патрулю, и сейчас же за его проходом партизаны выползли на полотно и заложили под рельсы тол, после чего с предельной быстротой кинулись от насыпи, так как поезд был совсем близко. Раздался грохот взрыва, лязг и скрежет железа, оглушившие партизан, после этого они бросились бежать прямо через деревню, близко примыкавшую в этом месте к полотну, бежали, не разбирая дороги через огороды, напрямик. Скрылись удачно – немцы никого не захватили. На счету у Першикова это был не первый эшелон.

Дня через три нас, беглецов из Переволочья, потребовали для опознания одного явившегося к партизанам человека – это оказался врач Сумароков.

История его была такова: он вместе с Жилиным прорезал проволоку и вылез из лагеря в Переволочье. Затем им показалось, что началась какая-то тревога, и они несколько далеко отошли от лагеря. Общего массового выхода они не видели, нас, их окликавших, не слышали и пошли странствовать вдвоем. В конце концов попали на какое-то болото, Жилин по привычке (вроде Седова) залег спать, а Сумароков, оставив около Жилина свою стеганую куртку, сапоги и шапку, отправился за ягодами, поел их и набрал для Жилина, а найти Жилина опять не мог. Он даже попробовал кричать, но никто не откликнулся, возможно, что сон у Жилина был так же крепок, как у Седова. Одним словом, в конечном результате Сумароков вышел к деревне, около которой стоял штаб бригады, и ему кто-то указал, где партизаны.

Сумарокова оставили в другой бригаде, стоявшей недалеко от нашей 14-ой.

Однажды мне пришлось принять участие в реквизиции пищевых продуктов у местного населения. Это, конечно, происходило ночью. Наш отряд сразу рассыпался группами по 3-4 человека по всей деревне. На особом счету были семьи, члены которых каким-либо образом сотрудничали с немцами, – у них отбирали наиболее ценное, в том числе, и носильные вещи. Когда брали живность (например, овец) у крестьян, то говорили, что при отступлении немцы все равно им этого не оставят.

Партизаны злоупотребили мясом, и оно им основательно приелось. Я вел агитацию за то, чтобы при сборе продовольствия брали побольше картофеля. Моя агитация имела успех.

При штабе бригады была своя радиостанция для связи с нашими фронтовыми частями. Однако радистам никак не удавалось установить эту связь, плохо работали аккумуляторы. В конечном результате все же эту связь установили, и фронт сообщил, что будет прислан для связи самолет. До этого времени всю корреспонденцию направляли в далекий партизанский отряд за Двиной, который имел постоянную самолетную связь с большой землей. Я также отправил первое письмо к своим, в Москву.

Ночью, когда пылали огромные костры среди леса и в самом разгаре было приготовление пищи, раздался быстро приближающийся шум самолета. Чей самолет, немецкий разведчик или свой? По звуку отличить не могли. Как будто бы У-2, а может быть и нет? Загасить костры за такой короткий срок было невозможно. Над ними натянули одеяла и другие вещи, но их все же сверху было отлично видно. Самолет с низким гулом низко пролетел над нашим лесом и улетел обратно. Но ведь он не мог и приземлиться, посадочной площадки приготовлено не было.

Опять связались с фронтом, оказывается, самолет был наш. Фронт ругался, зачем не подготовили площадки, обещали еще раз прилететь.

Мы, врачи, обратились к командованию бригады с просьбой дать нам возможность перелететь на самолете на Большую Землю, так как мы здесь, в бригаде, не нужны, имеется у них свой леком, и тому делать нечего, так как перевязочных материалов и медикаментов почти нет, ранения редкие, народу мало – всего 140 человек, зачем им такое количество врачей? Командование согласилось с нашими доводами и обещало при первой okazji усадить нас в самолет.

Появились два новых человека, которые каким-то образом нашли штаб бригады и явились почти одновременно. Это были плотные, хорошо упитанные люди, довольно хорошо одетые в русское военное платье. Они говорили, что не знакомы друг с другом и все эти годы после окружения жили в деревне – нашли себе молодых хозяек, а теперь желают воевать вместе с партизанами. В прошлом они будто бы были командирами Красной Армии.

Устроили, как будто случайно, их встречу и незаметно наблюдали, как они будут вести себя – оказывается, они друг друга знают. Вдобавок были получены сведения от глубокой разведки – от тех жителей, которые жили с немцами и власовцами, что в отряд немцами послано два разведчика не то из власовцев, не то из полицейских.

После допроса в штабе бригады оба эти субъекта были расстреляны. Одного из них я видел незадолго до расстрела. Он подошел к нашему костру и с большим апломбом начал говорить о своей бывшей службе в Красной Армии.

Вскоре после этого расстрела были получены тревожные вести. Немцы и власовцы направились на розыски нашей бригады. Вдали слышался треск пулеметов, даже слышно было их утром и днем.

Партизаны уверяли, что для того, чтобы их окружить и уничтожить, нужно не менее дивизии. Года полтора или год назад они сумели прорваться даже через сравнительно плотное окружение силами более дивизии. Были потери, но основное ядро все же вышло из окружения.

В те времена фронт еще не представлял такой сплошной линии, как потом, и были продухи, через которые партизаны ухитрялись прогонять скот и провозить брошенные в полях русскими войсками автомашины, тягачи и даже танки. Одновременно с этим проходило на большую землю и большое количество населения, главным образом, молодежь.

Только живя с партизанами, я уразумел, как много значат эти сравнительно мелкие отряды плохо вооруженных людей. При наличии каких-нибудь 2-3 сотен партизан, немцы должны иметь несколько тысяч человек охраны линий железной дороги, шоссе, складов и населенных пунктов. Везде можно было ожидать удара – взрыва, нападения. С наступлением сумерек движение прекращалось, немцы прятались в населенные пункты под охрану сторожевого охранения, вооруженного автоматами и пулеметами. Для того, чтобы показать, что охрана еще не заснула, сторожевые время от времени стреляли короткими очередями. И все же этой охраны было недостаточно – партизаны делали свое дело, крепко тревожа тылы немецких армий, взрывая эшелоны, сжигая склады, уничтожая отдельные небольшие группы немцев. Население, получая приказы немцев, боялись их выполнять, собранные продукты уничтожались и т.д. Великолепное знание местности помогало партизанам в их деятельности.

В настоящее время, получивши тревожные сведения, партизаны решили переменить место стоянки – на данном месте они стояли больше 10 дней – срок очень большой.

Вся бригада пошла цепочкой, растянувшейся более, чем на километр, вытаптывая узкую тропку. Такие тропки мы видели при своих скитаниях в поисках партизан.

Шли низкими местами, кустарниками, высокими травами, иногда делали совершенно неожиданные повороты. Шли днем, но, конечно, никого не встречалось из местных жителей – при немцах они выходили из деревень только для совершения каких-нибудь сельскохозяйственных работ и выходили не в одиночку, а группами.

Наконец, мы пришли в прекрасный хвойный лесок (больших лесов в этой местности нет), расположенный по моим расчетам в одном-полутора километрах от деревни, которая оказалась колхозом им. МОПРа, в которую мы когда-то счастливо не попали, так как в ней тогда был немецкий отряд.

Под пушистым мхом я сразу нашел несколько белых грибов. Вода была близко – какой-то полуразрушенный колодец и около него остатки дома.

Среди леса была небольшая полянка с неубранной травой – покосами в этой местности крестьяне почти не занимались.

Приятно было прийти на место чистое, не загаженное еще отбросами лагеря. В первую же ночь на покрытую травой площадку рядом с лесом опустился самолет, который взял двух людей из отряда.

Партизаны ощущали большой недостаток в патронах для автоматов и в обуви – в ближайший прилет самолета должны были привезти это партизанам. Командир бригады обещал отправить нас с возвращающимися порожняком самолетами.

Я изобрел способ согреться ночью – мох под деревьями был густой и сухой и снимался пластами. Я подстелил вниз много мха, сделал из сучьев защиту от ветра и наложил несколько пластов мха на себя – сразу стало тепло.

Приготовив себе ужин из жирной баранины с картошкой (я приобрел временно для этой цели старую жестяную большую банку) и угостив своим ужином еще двух партизан, я уже начал засыпать на своей твердой постели, как вдруг послышался гул приближающегося самолета. Мои доброжелатели из отряда сразу же прибежали ко мне и посоветовали быстро идти на импровизированный аэродром.

Однако, будучи человеком дисциплинированным, я зашел к командиру отряда и спросил его, нужно ли мне идти или ждать его приказа. Командир был занят какими-то сборами личного порядка и сказал, что мне сообщат, если только самолеты смогут взять нас, врачей.

Однако мои доброжелатели посоветовали мне не слушать его – оказывается, он хотел отправить на большую землю свою жену и боялся, что из-за врачей ее не возьмут.

Я пошел к штабу бригады и нашел там только одного штабного работника – ни командира бригады, ни комиссара не было. Профессор Орлов уже отправился на аэродром, ничего не сказав мне и Олейникову, который почти одновременно со мной пришел к штабу бригады. У меня зародилась горькая мысль о плохих товарищах – ведь все же я вывел Орлова из Смоленска и много сделал для него, а при первом же случае он бросил меня и ушел один.

Несколько человек еще шли на аэродром, и мы с Олейниковым поспешили туда же. Там было выставлено на углах охранение с пулеметами, принимала самолеты небольшая группа во главе с командиром и комиссаром.

Курсировало два самолета, они привозили сапоги и патроны, а вывозили партизанских жен, в том числе и жену командира бригады Вишнева, красивую, крепкую молодую женщину. Были еще некоторые партизаны, по тем или иным причинам желающие отправиться на большую землю.

Все же командир бригады обещал нас отправить. При отправке Олейникову сменили прекрасные сапоги на дырявые – ведь он быстро приобретет на большой земле другие. Я отдал свою плащ-палатку, а самопишущую ручку и перочинный ножик я подарил комиссару.

При приближении самолетов зажигали пучки соломы на углах посадочной площадки, самолет катился по густой траве и быстро останавливался. Курсировало два самолета. При третьей, последней посадке последний самолет взял меня и Олейникова. Я сел позади пилота, Олейников свернулся сзади меня в багажнике.

Зашумел пропеллер, самолет все ускорял свой ход, быстро катился по высокой сухой траве, незаметно оторвался от земли, и низкий лесок начал уходить назад у нас под ногами. Была половина второго, сзади и несколько сбоку светила полная луна, хорошо освещающая землю.

Летчик обернулся ко мне и улыбнулся, сверкнув белыми ровными зубами. У него было хорошее, приятное, молодое лицо. В ответ я тоже радостно улыбнулся – теперь весь кошмар немецкой неволи остался окончательно позади, и если даже нас собьют при перелете, то все же я погибну свободным на своем родном самолете, на котором я чувствовал себя уже находящимся на большой земле.

Впереди и несколько правее мигал авиамаяк, против него, левее горел большой костер, на который мы и летели. Около костра были какие-то люди, которые, услышав шум нашего самолета, быстро убежали под защиту каких-то кустов. Дальше были видны при свете поднимающихся ракет, прифронтовые сооружения, вспыхивали огни. По направлению нашего самолета вытянулась полоса красных трассирующих пуль. Выстрелов не было слышно.

Над линиями фронта мы пролетели на высоте не более километра, дальше шли большие водные пространства, река, за рекою большая полоса леса с редкими полянами, затем опять водные пространства, стал виден слабо обозначенный четырехугольник огней. Мы быстро к нему приближались. Самолет круто снижался и заходил на посадку, и мы сели в большом селе Войкове (?) за 40 километров от линии фронта на большой земле, среди своих...

ПРОДОЛЖАЮ МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ, В 1967 ГОДУ

Когда самолет сел, то мы ожидали, что нас тепло встретят. Но встретили нас с нахмуренными бровями, из небольшого сарая вывели проф. Орлова и жену Вишневу и под конвоем двух вооруженных бойцов отвели в крестьянскую хату.

В конце концов мы узнали от нашей охраны, что нас считают за немецких диверсантов, в том числе и Вишневу. Она начала рыдать, что могло причинить ей вред, так как она, кажется, готовилась стать матерью. И все это несмотря на то, что она имела на руках (при посадке забрали) удостоверение, кто она и проч. за подписями командира и комиссара бригады и за круглой печатью.

Вскоре ее увели, и дальнейшая ее судьба мне неизвестна. Нам был дан приказ никуда не отлучаться. Крепко хотелось есть, и в конце концов что-то удалось раздобыть съестное. Наш страж (теперь в единственном количестве)

понемногу размягчился и, наконец, отправился спать на сеновал, а мы последовали его примеру.

На следующий день утром за нами зашел вооруженный карабином конвоир и повел нас в неизвестном направлении. Но, несмотря на его служебную неразговорчивость, нам в конце этого путешествия (а шли мы 18 километров) удалось узнать, что ведет он нас в СМЕРШ (смерть шпионам). Эти организации допрашивали всех подозрительных людей и в случае обнаружения у них компрометирующих улик, ликвидировали этих людей.

По дороге мы услышали выстрелы, что нам показалось подозрительным, и мы с конвоиром устроили облаву. Конвоир сам храбро устремился на звук выстрелов и скоро вернулся – по его словам стрелял какой-то парнишка из трофейного ружья. Этого парня он не задержал и ружья не отобрал.

Командир СМЕРШа, майор МГБ, внимательно выслушал нас, выругался, что ему присылают таких людей (врачей), накормил нас питательным обедом и сказал конвоиру, чтобы тот отвел нас в политотдел армии.

В политотделе 4-ой армии нас отвели в помещение, в котором находилось еще несколько человек, проходивших предварительную проверку. Первого на допрос вызвали Орлова и сразу, по его возвращении, меня.

Спрашивало сразу несколько человек. Мне предложили рассказать подробно все дни нашего бегства. Прервали мой рассказ, только когда я дошел до подхода к Днепру и сказал, что мы собирали картофель. Мне сказали, что этого не было. Я сразу сообразил, в чем дело и ответил, что если Орлов об этом не сказал, то это потому, что он – большой барин и, конечно, в сборе картофеля не участвовал (как это и было на самом деле). Все рассмеялись, и я закончил рассказ без помех. Очевидно, мои данные вполне совпадали с рассказом Орлова.

Из политотдела нас направили в один из лагерей, куда собрали всех лиц, перешедших линию фронта, а может быть и попавших при наступлении наших частей. Здесь были и полицаи, и власовцы, довольно пестрая и, часто, неприятная компания.

Этих лагерей мы повидали несколько, допрос был только один раз, а время шло неделя за неделей. Тоска была смертная, кормили плохо, работы никакой. Полицаи были в лучшем положении, иногда их выстраивали, выдавали ружья и отправляли на фронт как пополнение для наступавших частей.

Только в одном лагере жена молодого лейтенанта, начальника лагеря, дала нам почитать несколько книжек Яна («Батый» и др.).

Месяца через полтора нас, наконец, направили в Москву. Проезжая через Москву я ухитрился послать домой короткое письмо, где извещал, что проезжаю через Москву и о месте своего окончательного пребывания сообщу дополнительно. О том, что я еще существую, дома знали из моего письма, отправленного мною из партизанского отряда.

Мы попали в Подольск, в большой лагерь для офицерского состава, но были там недолго, нас переправили в филиал лагеря, расположенный вблизи станции Щербинка недалеко от Подольска. Здесь снабженцы, надо полагать, вместе с начальством, занимались явным воровством, воруя у заключенных продукты их питания, которые в то время ценились очень дорого. Мне удалось отправить письмо домой с указанием места, где я нахожусь, и дня через три ко мне приехала Евгения Ивановна с кое-какими продуктами. Ей удалось получить кратковременное свидание со мною и передать эти продукты мне. Я же, в свою очередь, не мог не поделиться со своими товарищами.

Ноги у меня начали отекать, возникла большая слабость, и я попал на несколько дней в стационар здравпункта, где выдавали паек полностью и поэтому кормили лучше.

За время пребывания в Щербинке меня только один раз вызвали к следователю, молодому человеку с погонами младшего лейтенанта. Он меня расспрашивал о ряде лиц, бывших в плену в Смоленске, и ни разу не спросил о моем поведении там, другими словами, я оказался в роли свидетеля, а не подозреваемого «врага народа». Это мне показалось странным, и я его спросил о причине такого характера допроса. По его словам, ряд лиц, бывших в Смоленске, отзывался обо мне положительно, не было ни одного отрицательного отзыва. При этом он улыбался и рассказывал несколько анекдотов.

Так почему же меня в таком случае держат здесь без дела в такие горячие годы войны? Я ничего не понимал.

В Подольске нас лучше кормили, можно было существовать. Надо полагать, что тут воровства не было. Водили нас даже в баню. Во время прохождения нашей команды под конвоем по улицам обитатели Подольска, а больше обитательницы, кричали: «Предатели, изменники, уничтожить вас надо!» и тому подобное. Показывали кулаки.

А ведь большинство из нас были бежавшие из плена самые активные патриоты, которые просто не могли больше оставаться в плену и, совершая бегство, очень многим рисковали, вплоть до расстрела на месте. Мы думали, что нас на большой земле встретят хорошо и сразу же дадут какую-нибудь военную нагрузку, какая бы она ни была, ведь фронту так нужны были люди! А эти люди были особенно ценные, недаром же существует старая поговорка: «За битого двух небитых дают».

А некоторые энкаведешники из нашего начальства, окопавшиеся в тылу, относились к нам с особым презрением. Когда нужно было обратиться к такому субъекту, то мы не знали, как это сделать: например, на обращение «товарищ лейтенант» такой тип или совсем не отвечал или отрезал: «Я вам не товарищ!».

Ко мне заезжали из дома и понемногу привозили съестное, но я в Подольске мог бы обойтись без этого. Однажды, издали, в толпе новоприбывших я увидел Латуна (или очень похожего на него человека) и

решил немного позже разыскать его, но всю эту партию куда-то срочно отправили, и я потерял эту возможность.

Мне передавали, что Петров находится в Щербинке, но я его не мог повидать. Из моих спутников в Подольске были Орлов, Кулаков и Олейников.

Время тянулось очень тоскливо. Я с жадностью слушал фронтовые сводки о продвижении наших частей вперед. Еще в 1943 году осенью или в начале зимы передали, что освободили Шишаки.

У нас был только командирский и начальствующий состав. Были и из Севастополя, и из Сталинграда. Севастополец рассказывал, что далеко не все смогли эвакуироваться при оставлении города, и много попало в плен, не менее 50 000.

По рассказам того, который был под Сталинградом, там был такой кошмар, что он предпочитал быть расстрелянным здесь, чем возвратиться в Сталинград. Я думаю, что он просто дезертировал оттуда.

Проходила «проверка», возглавляемая политкомиссаром, неплохим сознательным человеком. Прошедшим «проверку» выдавались маленькие листочки с круглой печатью на тонкой синей оберточной бумаге с указанием, что такой-то «проверку» прошел. Но нас все же не отпускали и никуда не назначали.

Наконец, в январе 1944 года нас начали пропускать через медицинскую комиссию и направлять в штрафные батальоны. Меня, несмотря на мою просьбу, не отправили, а забраковали (у меня слегка отекали ноги) и предложили работать у них в НКВД, от чего я отказывался.

Почти все, находившиеся в лагере, были отправлены, я находился один в большой комнате, да и соседние комнаты были почти все пусты. Тоскливо было ужасно. В конце концов меня отправили в Москву, в управление этой организации, где гвардии полковник медицинской службы Ежов, очень хороший парень около сорока лет, убедил меня согласиться, иначе, сказал он, меня не выпустят из лагеря. Направил он меня в южные лагеря для пленных немцев начальником санитарной части лагеря, который предполагали открыть в Згуровке, где-то недалеко от Киева.

После моего согласия меня отпустили на два дня домой, выдали соответствующие документы и очень тяжелый ящик с медикаментами для лагеря, причем сказали, что меня на вокзале (Курском, так как поезда шли через Харьков) встретит еще один врач, едущий туда же, и он поможет мне в переноске. Врач этот на вокзал не пришел, и если бы не Игорь, то я не влез бы в вагон, который был переполнен сверх меры. На нижней боковой скамейке (вдоль прохода) нас сидело четыре человека, над нами один лежал на спальном месте, а один – на полке для вещей. Поезд тронулся, и мы ехали до Киева 6 дней. Спали сидя, уборные не работали, так как их превратили в пассажирские купе. Одним словом, поездка была «веселой», к тому же в вагоне так дымили махоркой, что с трудом можно было разобрать лица окружающих.

Поезд из Харькова пошел не на Полтаву, а на Конотоп-Бахмач. По дороге шли разговоры, что самое опасное место это – Дарница, где сходятся железнодорожные пути и которую немцы бомбят очень часто.

В Киев наш поезд пришел к вечеру, спускались сумерки. Полуразбитый вокзал был засыпан снегом, который некому было убирать. Каким-то чудом я со своими вещами добрался до военного коменданта, который указал мне дальнейший маршрут – до станции Яготин (это по направлению на Полтаву), а оттуда узкоколейкой около 20 километров до Згуровки.

Мне посчастливилось довольно быстро попасть в товарный поезд, идущий в этом направлении. Из-за Днепра, с правобережья, хорошо был слышен гул артиллерийской канонады почти до самого Яготина. Это заканчивали окружение немецких дивизий в районе Шевченковской могилы.

Комендант ст. Яготин не порадовал меня. По узкоколейке движения поездов не было. Оказалось, что скоро пойдет паровоз, который может захватить и меня. Помещения и питания комендант предоставить мне не мог – ищите сами, а живущие около станции боялись пускать к себе кого-либо на ночевку. Все же мне удалось пристроиться у каких-то учительниц-сестер, с малыми ребятами. Учительницы всего боялись и не напрасно. Около станции процветал бандитизм, милиции почти не было. И вот раз во время моего пребывания, к ним явился вооруженный пистолетом бандит в солдатской форме, потребовал спиртного и еды. Перепуганные женщины старались ему угодить. В отношении меня он вел себя вызывающе, ведь я был без каких-либо знаков различия и оружия не имел. К счастью, он недолго терроризировал моих хозяек.

Я возился с ребяташками дошкольного возраста и время от времени ходил на станцию узнавать, когда пойдет паровоз. И вот на третий день мне сказали, что паровоз пойдет часов в 11 вечера. Я поблагодарил учительниц и перебрался с вещами на станцию. Машинист, с которым я ехал, предупредил меня, что в случае бомбежки следует лезть под тендер, это наиболее безопасное место ввиду его большой нагрузки.

В полночь мы тронулись неторопливым ходом и минут через 50 паровоз остановился среди поля, и мне предложили выгружаться. А где же Згуровка? Да километрах в трех отсюда – и мне указали направление, добавив, что здесь много развелось волков.

Навстречу дул ветер со снежной крупой, паровоз быстро исчез, кругом не видно ни одного огонька. Поднять сразу весь мой багаж я не мог и поэтому переносил его частями метров за 150-200, затем возвращался и забирал остальное. К утру я добрался до сарая, в котором временно жила воинская команда еще неоткрытого лагеря.

На следующий день я ориентировался. Никаких данных для открытия здесь лагеря не было, помещения, возможно, были только на сахарном заводе, расположенном дальше. Сообщение с Яготинским трудное.

Во главе присланной сюда команды был совершенно не желавший работать майор войск НКВД (фамилии не помню). Весь этот запроектированный лагерь как будто бы совершенно забыли – денег на зарплату и на другие расходы не переводили, продукты черпали из местных источников (колхозы и др.) бесплатно, к счастью, после ухода немцев продуктов осталось достаточно.

В моем распоряжении было два фельдшера, которым я и передал привезенные мною медикаменты на хранение. Сам я поселился сперва в селе, что было довольно-таки трудно, так как никому не хотелось пускать к себе на постой, а потом за селом в хате сторожа колхозного добра (картофель в буртах и влажное зерно, которое нужно было непрерывно подсушивать в специальном большом помещении с печами, отапливаемыми соломой). Мои хозяева в продуктах не нуждались и кормили меня бесплатно. Этот сторож был болен трахомой, и я дал ему медикаменты, нужные для лечения, так как местная больница их не имела.

День проходил за днем без всяких перемен. Несмотря на то, что я постоянного говорил майору, что следует запросить если не Москву, то Киев о том, что же нам делать, он пребывал в бездействии, что ему нравилось – его неплохо кормили, и он имел связь с бухгалтером колхоза, которая себя несколько скомпрометировала при немцах и среди последних имела своих покровителей (как мне рассказывали).

Однажды ночью я проснулся от какого-то беспокойства и увидел, что окна дома ярко освещены красным светом. Выбежал из дома – огромный столб пламени от горящей в трубах сажи поднимался над сушилкой для зерна. Разбудил хозяев и сказал сторожу, что необходимо немедленно влезть на чердак сушилки и поливать балки, на которых укреплены трубы и вообще потолочное перекрытие. Но сторож струсил и категорически отказался. Тогда я забрался на чердак, а мне наверх подавали воду, и первые же вылитые на балки ведра почти мгновенно испарились, так высока была температура. Но дальше пошло все легче, часа через полтора сажка прогорела, и опасность миновала. Этот случай дал мне какое-то удовлетворение – все же я принес какую-то пользу.

Наконец и майор забеспокоился – как бы чего не вышло, и сделал телеграфный запрос, как дальше быть? О нас тогда вспомнили и по телеграфу приказали немедленно выехать в Киев, в лагерь, расположенный на Сырце вдоль Бабьего Яра, в котором немцы держали русских военнопленных.

Выбраться из Згуровки можно было только пешком, и вот мы зашагали по полотну железной дороги, ведущей от завода к станции. Груз-багаж удалось погрузить на подводы. Был хороший, ясный, морозный день, и мы все с радостью покинули Згуровку.

На Киев шли смешанные поезда: и товарные, и пассажирские вагоны вперемежку. Мы влезли в набитый уже пассажирский вагон, и после свежего воздуха заняло дух от отравленного махорочным дымом воздуха. Не прошло

и часа, как я потерял сознание, но такой случай, к счастью, до самого Киева не повторялся.

Из пребывания в Згуровке вспоминаю один случай, очень расстроивший меня: фельдшера, у которых были на сохранении медикаменты, начали распродавать их, и когда я уличил их в этом, то они нахально начали обвинять меня в том, что это я им не додал... Одним словом они оказались спекулянтами и мерзавцами.

В Киеве (на Сырце) уже функционировал лагерь, у которого было два филиала: в гор. Васильеве и в Дарнице. Больше всего военнопленных было на Сырце, здесь же были продуктовый и вещевой склады и находился главный начальник, капитан Цупиков, который почти все время пребывал в Киеве, где он ежедневно пьянствовал и устраивал оргии с проститутками и подобными им женщинами. Изредка он приезжал в лагерь, главным образом, за пополнением запасов спирта (спирт он брал в медсанчасти без каких-либо расписок) и продовольствия.

Фактически, лагерем управлял его заместитель, майор лет 55-ти (фамилии его я не могу сейчас вспомнить). Этот майор сожительствовал с молодой еще женщиной-врачом – начальником санчасти лагеря, жил с ней в одной комнате. Муж женщины-врача был где-то на фронте. Эта связь не скрывалась.

В лагере, в основном, были немцы, затем некоторое количество югославов, которых использовали как поваров и парикмахеров, и человек 30 французов, попавших в плен вместе с немцами. К ним относилось начальство лагеря очень плохо.

Нам – мне и майору из Згуровки – предложили подыскать себе жилье и подождать несколько дней, пока нам не дадут назначения.

Все окрестные деревянные домишки были заняты работниками лагеря и другими, и мы не могли что-либо разыскать для себя. Отходя от одной из дорог из лагеря, мы встретили, вернее, догнали двух женщин, жалующихся на трудности жизни, мы вступили в разговор и в конце концов уговорили одну из них пустить нас переночевать одну-две ночи.

Ее квартира была в полуподвале двухэтажного деревянного дома. Когда мы дошли, было уже темно. Хозяйка расположилась в первой проходной комнате, уступив нам свою спальню с широкой кроватью. Мы крепко уснули, но около полуночи нас разбудили пьяные мужские голоса, требовавшие от хозяйки, чтобы она их пустила к себе. И когда им в этом было отказано, то раздался выстрел, и пуля пробила оконное стекло в первой комнате. Оружия у майора также не было, и мы чувствовали себя скверно. Но после этого выстрела банда удалась. Впоследствии выяснилось, что это были солдаты из охраны нашего лагеря.

Еще через день мне удалось устроиться в том же доме, в другой его половине, на первом этаже. Здесь жила молодая женщина-врач из нашего лагеря, и ее переводили в Дарницу. Хозяйка не хотела пускать меня, но я сумел

уговорить ее, так как вместо меня к ней могли вселить очень нежелательных жильцов.

У нее была дочка Лида, лет 14-15. Муж ее был неизвестно где. Потом мне рассказывали соседи, что он скрывался где-то вблизи, боясь кары за сотрудничество с немцами.

После пребывания в немецком плену я поразился порядкам этого лагеря. Немецкие офицеры были освобождены от каких-либо работ, кормили их лучше – качественнее и сытнее, чем наш начальствующий состав. Рядовые использовались для работ крайне редко – напилить и нарубить дрова, прибрать дорожки в лагере и бункере, где они жили. Смерть какого-либо военнопленного считалась чрезвычайным происшествием. Паяк их по калорийности в несколько раз был выше пайка для русских военнопленных.

Через несколько дней меня назначили начальником санчасти лагерей, а женщину врача отправили куда-то в другое место. Майор из Згуровки не захотел здесь работать и его также отправили.

Работать было трудно. Цупиков набрасывался на спирт, а его адъютант требовал огромного количества медикаментов, будто бы для своих детей, а на самом деле для спекуляции – в то время в Киеве достать что-либо было очень трудно. Я ему отказал, а требования Цуканова на спирт отказался подписывать. К счастью, Цупикова скоро убрали, уж очень бесполезным, тупым и вредным животным он был. На его место поставили другого – подобное ему барахло – где только набирали таких?

Майор, который был фактическим начальником лагерей, почему-то упорно отказывался от звания начальника.

Начались заболевания сыпным тифом среди военнопленных французов, их необходимо было перевести в достаточно изолированное помещение. На площади, занимаемой лагерем, стоял один одноэтажный деревянный дом, комнаты на 4. Одна из комнат была сплошь забита старыми мужскими головными уборами, главным образом, кепками. Я никак не мог догадаться о причинах такого изобилия, но впоследствии выяснилось, что в этом доме хранилась одежда расстрелянных в Бабьем Яру: верхнюю одежду, белье и обувь куда-то вывезли, а кепки почему-то остались.

Мое начальство противилось переводу французов в этот дом, но я все же сумел настоять на своем, указывая на то, что изолировать их необходимо, и вообще такой дом изолятор совершенно необходим для лагеря. Французы начали умирать, начальство всполошилось и настояло на том, чтобы их перевели в военный госпиталь в Киеве, где было инфекционное отделение. Препровождать их туда пришлось мне самому, и я запросил у заместителя по лечебной части госпиталя, майора медицинской службы, где же у них пропускник? В ответ на это он повел меня к недостроенному дому и ознакомил с планом еще только монтируемого «пропускника», который, по существу, напоминал примитивный обмывочный пункт без элементов пропускника.

Мне пришлось долго толковать и с этим заместителем, и с начальником госпиталя, пока я их не убедил, что они проектируют не пропускник, а неизвестно что, и набросал им чертеж настоящего пропускника, учитывая конфигурацию помещения, в котором они его располагают. Госпитальное начальство было мне очень благодарно за мои указания, и я еще раза два побывал у них, указывая, что нужно делать. С какой бы охотой я пошел бы на службу в этот госпиталь, но перевестись было невозможно. А я им был полезен, так как у них никакого опыта в организации госпитального дела не было.

Мне необходимо было посетить оба филиала лагеря – в Дарнице и в Васильеве. Первая моя поездка была в Дарницу, с переездом через Днепр по временному деревянному мосту. Сама станция носила следы тяжелых фугасных бомб, за железнодорожными путями валялись крупные нефтяные-бензиновые железнодорожные цистерны, выброшенные силою взрыва с путей. Сама станция имела глубокое бомбоубежище, куда пряталось все живое во время бомбежек. Кругом станции было много землянок, где ютились беженцы.

Как только на станцию прибывали поезда с военной техникой или с военными частями, немцы сейчас же посылали свою бомбардировочную авиацию. Эти поезда, как правило, сильно задерживались в Дарнице, и это обстоятельство помогало немцам, у которых, несомненно, был осведомитель с радиопередатчиком, скрывавшийся среди живущих вокруг станции беженцев, которых почему-то не выселяли с территории станции.

Филиал лагеря был небольшой, тысячи на три военнопленных, врачей было два: та женщина-врач, после которой я поселился на квартиру, и врач Филёненко Анат. Ив., которого я знал еще в 1943 году по Смоленску. Он не был военнопленным, а жил там на частной квартире в городе Смоленске, довольно прилично одевался, мог свободно ходить. Вообще, он был мне еще в Смоленске антипатичен, он умел хорошо приспосабливаться.

Лагерь нужно было привести в порядок, произвести ряд ремонтно-строительных работ, организовать пропускник. Рабочие руки были – военнопленные немцы, строительного материала много – разрушенные дома, готовый кирпич у недостроенных домов, у которых я нашел на следующее утро пребывания в лагере склады готовой извести под землей (спец. ямы). Надо было только проявить энергию, и я дал распоряжение Филёнкову этим заняться.

Для ночевки мне предложила женщина-врач свою комнату, а сама перешла ночевать к каким-то женщинам. Эта комната была шириной не больше двух метров, а длиной – около 5 метров. Все стены были капитальные. Я тогда же подумал – вот отличное бомбоубежище!

Дней через 10 надо было опять навестить Дарницу для контроля. Вечером я туда не поехал по каким-то обстоятельствам, да и работы там было немного – только проконтролировать ход ремонтно-строительных работ.

Накануне выезда, вечером и ночью, туда летало много немецких бомбовозов, и были слышны далекие разрывы бомб. И вот, рано утром, подъезжая к Дарнице, я увидел ужасную картину: разорванные на куски тела солдат, многочисленные воронки от авиабомб. Оказывается, к концу дня на станцию прибыло несколько эшелонов с воинскими частями, и они были задержаны на станции на неопределенное время. Немцы были немедленно извещены, и ихние бомбовозы устроили настоящую бойню. Даже на лагерь для военнопленных бросили несколько бомб, стараясь разрушить проволочные заграждения вокруг, и одна бомба попала как раз в ту комнату, где я ночевал раньше. От капитальных стен осталась только груда щебня. По счастливой случайности хозяйка комнаты во время бомбежки отсутствовала, и никто не пострадал.

К нам из Москвы приехал Ежов как контролер и проявил довольно кипучую деятельность: например, принимал участие в медицинском осмотре военнопленных и т.д. Мы с ним ездили в военно-санитарное управление Киева по вопросу о размещении заболевших тифом военнопленных, так как заболевших сыпняком французов мы с трудом поместили в инфекционный госпиталь. Наши переговоры успеха не имели, к Ежову военно-медицинское начальство относилось отрицательно. Но к нашему счастью, больше заболеваний сыпным тифом в лагере не было.

Ежов производил такое положительное впечатление, что я решил поговорить с ним откровенно относительно ареста и, возможно, уничтожения А. Баркова. Барков, мой товарищ по университету, с которым я был в полевом госпитале летом 1915 года (Львов, Кременец и т.д.), в 1933 году был в генеральском чине начальником медслужбы пограничных войск СССР. Он был женат на одной из бывших жен Ягоды, и, когда арестовали Ягodu, арестовали и его. Ежов был очень положительного мнения о Баркове (которого он замещал), считая Баркова прекрасным службистом, который себя не скомпрометировал и у которого он сам учился работать. Причины репрессирования Баркова ему не были известны.

Я попросил Ежова устроить мне перевод в Москву, где у меня семья, и Ежов это сделал³⁵. Уже в июле 1944 года я начал работать санитарным врачом в Люберцах, в лагере для русских, бывших в плену или живших на оккупированных немцами территориях, почему-то заподозренных НКВД. Затем мне удалось пройти медицинскую комиссию (была обнаружена язва двенадцатиперстной кишки), и меня отчислили в резерв военно-медицинского управления армии, и уже оттуда, несмотря на предложение работать пищевым врачом по военной линии в Москве, мне удалось вернуться на старое место работы – в лабораторию Санэпидстанции гор. Москвы.

С Ежовым знакомство я прервал, не желая этим знакомством бросить тень на него – все же я был в плену.

Поступила в редакцию 7.04.2025.